

Ант
СКАЛАНДИС

Причастные.
Скрытая угроза

Русский
Трайбл

Причастные

Ант Скаландис
Охота на Эльфа

«Автор»

2002

Скаландис А.

Охота на Эльфа / А. Скаландис — «Автор»,
2002 — (Причастные)

«Охота на Эльфа» – третий роман Анта Скаландиса из серии «Причастные». Если в первой книге идет борьба за влияние в России, то во второй и третьей главной целью Причастных становится таинственная «Точка сингулярности», в которой сходятся все времена и пространства.

© Скаландис А., 2002

© Автор, 2002

Содержание

ПРОЛОГ	5
Глава первая	19
Глава вторая	48
Конец ознакомительного фрагмента.	59

Охота на Эльфа

Ант Скаландис

ПРОЛОГ

(Из романа Михаила Разгонова
«Точка сингулярности»)

Едва выйдя из старого здания университетской библиотеки на улицу, точнее из уютного дворика на широкий тротуар Унтер-ден-линден, я почувствовал за собой хвост. Нет не совсем уж грубый и беспардонный, но и не высший класс. Вышего класса, признаюсь вам честно, обнаруживать так и не научился. А эти двое ребят пасли меня по-школярски точно, грамотно, но без фантазии. Ну, и я так же тупо, без фантазии, четыре раза свернул направо, то есть примитивным круговым способом убедился в их намерениях, а потом, не слишком мудрствуя в выборе методов, нырнул в подземку и оторвался, на всякий случай меняя на ходу свои планы: что если, кроме этих двоих, за мною ходит, ездит, летает, ползает еще целый взвод невидимок. Делал я все размеренно и не торопясь, тем более что в Берлине случилась невероятная для середины мая жара, не ослабевавшая даже к вечеру, и мне совершенно не хотелось провести остаток дня в прилипшей к телу сорочке.

Ехать-то я собирался, скажу вам по секрету, в главный столичный офис разведки БНД, но вот теперь решил понапрасну не осложнять жизнь солидным людям, и направил свои стопы в одно из любимых местечек центра города – «Литературхаус» на тихой и респектабельной Фазаненштрассе. Когда мы бывали здесь вдвоем с супругой, Белка любила заходить в расположенный неподалеку роскошный ювелирный магазин фирмы «Картье» и непременно что-нибудь себе новенькое прикупала. Сейчас я не пошел в «Картье», а сразу свернул в ЦДЛ. Да, именно так называл я для себя этот особняк. Правда, скромными своими размерами он не слишком напоминал московский Дом литераторов на Герцена, зато собиравшаяся в уютной кафешке «Винтергартен» (то бишь «Зимний сад») публика была практически узнаваемой для любого российского члена союза. Здесь сидели такие же сумасшедшие поэты-кокаионисты с закатившимися в экстазе глазами; такие же чокнутые высокомерные критики, пьющие только чай и демонстративно глядящие поверх голов; почти такие же телесценаристы, беспрестанно курящие травку, ибо, как признался мне один из них, писать мыльные оперы без травки просто невозможно; и, наконец, абсолютно такие же, как в Москве, романисты, сбегавшие от прозы жизни в Прозу с большой буквы, но заплатившие за это переходом от бытового пьянства к регулярным запоям, творческим и не только.

Когда я вошел и огляделся, в дымной прохладе литературного шалмана гудел унылый бас драматурга Альберта Глюка, злое ще свержавшего лысиной в полумраке; в унисон ему ритмично завывал бородатый Фрицик по кличке Энгельс, – модный поэт-эксгибиционист; в самом дальнем углу монотонно гундосил всезнайка Хоффман, объясняя очередному лоху, почему время большой литературы ушло навсегда; наконец, в окружении подвыпивших поклонников, как всегда, глупо, но очень эротично хихикала черненькая юная Паулина с большим бюстом – не только сценаристка модного молодежного сериала, но и ведущая какого-то дурацкого ток-шоу. В общем, все рожи и даже личики были мне предельно хорошо знакомы. Завербовать кого-то из них в стукачи, наверно, не составляло большой проблемы ни для одной из спецслужб, но учинять экспромтом примитивную слежку было бы в таком месте, мягко говоря, нелегко.

Короче, я приготовился расслабиться, но тут из толпы моих собратьев по перу неожиданно вынырнул собрат совсем по другой части, и я стремительно затосковал. А он прошел с

чаашкой кофе к свободному столику, уселся, вознес острые коленки выше уровня столешницы, уперся в них такими же колючими локтями и еле заметно кивнул мне: мол, присоединяйся.

Конечно, это был Тополь, Леня Вайсберг-Горбовский собственной персоной. Смуглое до кирпичной красноты морщинистое лицо, седой ежик волос и – это была новость – такая же седая благородная небритость на щеках и подбородке. Он явно косил под Хемингуэя кубинского периода, даже одет был в мягкую рубашку с распахнутым воротом и легкомысленные шорты цвета хаки с яркими лейбаками теннисного клуба города Дуранго, штат Колорадо. В писательском вертепе трудно кого-нибудь удивить одеждой, прической или манерами, да и вообще в центре Берлина на внешность не слишком обращают внимание, но если по-хорошему задуматься, выглядел Леня экзотично: все-таки в его положении, не говоря уже о возрасте... Торчащие из шорт худые и густо волосатые ноги покрыты были темными пятнами, и я не рискнул спросить, это родинки, или уже нечто старческое. Я спросил о другом.

– Привет, Леня! Ты вот так и пришел сюда через весь город?

– Нет, Миша, через весь город я ехал на лошади. И со мною вместе, естественно, были пятеро друзей с женами и двое слуг. Все – абсолютно трезвые.

О, как точно он цитировал фразу из нашего диалога в день знакомства, состоявшегося примерно четыре года назад! И я почувствовал настоящую тревогу.

– Что-то случилось, Тополь?

– Да, Ясень, но случилось достаточно давно, а сегодня я прилетел сказать тебе, что ты не тем занимаешься. Хватит выяснять, что произошло с нами в апреле. Хватит. Постарайся просто забыть об этом.

Я картинно приложил обе ладони ко лбу и пробормотал:

– А что же такое произошло с нами в апреле?..

Тополь смерил меня долгим печальным взглядом, потом, наконец, оценил «тонкий английский юмор» и широко улыбнулся.

– Литератор хренов! Прозаик. Ну, зачем ты собрался в БНД? Сядь лучше и спокойно запиши все, что помнишь.

– Давно уже записал.

– И что, не помогло? – Тополь не подкалывал – просто интересовался. На полном серьезе.

– Нет, – помотал я головой. – Не помогло. А я понять хочу. Заело – и все тут!

– Плохо, – констатировал он. – Поехали.

– Куда поехали? Погоди, – сказал я, тоскливо оглянувшись на Паулину, с которой, честно говоря, и собирался провести этот вечер, а мой древовидный друг, как это принято в их доблестной службе, всю малину обкакал.

Следуя принципу «Бери от жизни все!», ставшему рекламным слоганом компании «Пепси», я подошел к столику нашей телезвезды, глотнул этой самой пепси-колы из горлышка чьей-то бутылки и вместо здравств озвучил рекламную строчку на немецком, разумеется, языке. Затем быстро, не дав никому опомниться, проговорил:

– Ах, Поля, Поля!.. (Так я любил называть ее на русский манер).

И в ту же секунду сгреб девушку в охапку, запустил руку под кофточку, с удовлетворением отметил, что Поля верна себе и бюстгалтеров летом не носит, наконец, поймал ее губы, и мы замерли в долгом поцелуе. Спротивляться, она, кажется, и не думала, сразу как-то обмякла в моих руках и тяжело задыхалась.

– Поехали со мной, – шепнул я, скользнув от трепетавших губ к восхитительно нежному ушку.

– Поехали, – еле слышно выдохнула она в ответ.

Но тут мне на плечо легла тяжелая рука Тополя, и его негромкий, но четкий голос произнес:

– Мы уезжаем отсюда вдвоем, господин Малин.

И мне показалось, что я слышу, как строгий взор его ледяных глаз шипит на раскаленной груди и жарких губах Паулины.

– Фу, какой ты обманищик! – фыркнула та, обиженно сморщив носик, впрочем, как и я, она осталась весьма довольна этим эпизодом.

– Ну, извини, пожалуйста, – дела!

Я махнул ей рукою, и, догоняя Горбовского уже в дверях, спросил:

– А кто это пытался отдавить мне пятки сегодня, ты знаешь?

– Знаю. Но не скажу, чтобы ты не расстраивался.

– Понятно, это были твои ребята.

Тополь укоризненно оглянулся:

– Нет, Миша, мои ребята тебя бы не потеряли.

– И то верно, – согласился я.

У обочины, прямо рядом с воротами «Литературхауса» стоял чуточку слишком шикарный «мерседес». Вряд ли в нем привезли кого-нибудь на экскурсию в музей художницы Кете Кольвиц в здании напротив. Да и поэты на таких, как правило, не ездили. Блистающий аспидным лаком, зализанный со всех сторон, автомобиль был похож на гигантскую каплю чернил, вытекающую из цистерны где-нибудь в невесомости на космической станции. (И на хрена, спрашивается, космонавтам столько чернил?) Поражали, однако, не столько зеркала, практически не выступающие за контуры кузова (как это возможно?) и не фары, спрятанные до темноты под щитками – поражало скорее полное отсутствие внешних ручек на дверях. Потом Вайсберг нажал какую-то кнопочку в своем кармане, и от центрального замка вся эта конструкция сработала – машина взмахнула дверцами, как птица, раскидывающая крылья перед полетом, и замерла приглашающе, заманивая внутрь себя эротически красной кожей сидений и не менее сексуальной розоватой отделкой панели и стоек.

Тополь перехватил мой возделанный взгляд, хмыкнул и с осуждением спросил:

– О чем ты думаешь, маньяк? Начинается серьезная работа. А он все по девочкам, по девочкам... тебя жена дома ждет.

– Белка? Сегодня как раз не ждет, – подкорректировал я.

– А где же она?

– Ольга Марковна, она же Белка изволили посетить театр совместно с камеристкою своею Бригиттой. А после сии почтенные дамы намереваются проследовать в ночной клуб с мужским стриптизом.

– О как! – откликнулся Горбовский. – Но все равно поехали к тебе. Там поговорим.

По-моему, не очень-то он поверил в эти рассказы, меж тем запланированный Белкой поход на мужской стриптиз с предполагаемым возвратом домой лишь под утро, был истинной правдой, и история эта занимала мои мысли и чувства самым серьезнейшим образом.

Женские ночные клубы – таково было давнее тайное увлечение нашей служанки Бригитты – с виду совершенно домашней толстушки, имевшей троих детей и верного мужа электрика – невзрачного, мелкого, но работающего и заботливого. Кто бы мог подумать, что этой благообразной немке больше всего на свете нравятся рослые, мускулистые, вихляющие бедрами негры? А Белка мужской стриптиз заочно считала полным бредом и никогда не тяготела к подобного рода развлечениям. Но однажды, уж не знаю, с какой радости, Бригитта уболтала ее, мол, нельзя же судить о том, чего не видела и не знаешь. Для первого знакомства выбрано было какое-то шикарное заведение на Ку'дамм с мальчиками высочайшего класса, и Белке вопреки всем ожиданиям понравилось. Не то слово! Они обе вернулись под утро, я еще не успел лечь, только душ принял, закончив работу над очередной главой романа, и благоверная моя, едва убедившись, что Бригитта ушла к себе, накинулась на меня, как дикая кошка: впилась губами, обхватила ногами, руки нырнули под халат, а трусики на ней уже не было...

(Я потом узнал, что она их скинула еще на лестнице, поднимаясь в нашу спальню на третьем этаже.)

Пожалуй, впервые я предавался столь милому занятию в такое неподходящее время и при такой невероятной активности моей весьма сдержанной супруги, но фактор внезапности сыграл положительную роль – острое чувство новизны запомнилось надолго: Белка была просто не по-беличьи чумовой. После, отдышавшись, она призналась мне:

– Слушай, эти мужжики так заводят! Ты себе не представляешь. Я думала, что не доеду до дома и кончу прямо в такси от одних мыслей о том, что скоро буду трахаться. Знаешь, что помогло? Бригитта начала странный разговор. Прижалась ко мне так нежно и спросила, не приходилось ли мне спать с женщиной. Нет, она сама не лесбиянка, не бойся. Просто она пробовала и считает, что это приятно. А у меня какое-то брезгливое отношение к сексу с бабой, вот она своими ласками и сбила мой настрой, а то я бы, наверно, прямо в машине мастурбировать начала...

– Постой, – перебил я, – а тебе хотелось трахнуть кого-нибудь из тех стриптизеров?

Белка задумалась ровно на секунду и мечтательно прошептала:

– Да-а! Там был один такой мулат...

Впрочем, тут же оборвала себя:

– Но я ведь понимаю, что тебе это будет неприятно.

– Как знать, – заметил я философски.

Она ничего не ответила, только посмотрела на меня долгим-долгим выразительным взглядом. И мы поняли друг друга. Я ее сознательно провоцировал.

Прошло недели две. Мы большие не возвращались к этому разговору. А они вдвоем с Бригиттой посетили еще пару-тройку заведений, Белка начала разбираться в тонкостях специфических танцев. И вот нынче днем она мне объявила с многозначительной улыбкой, что они вновь собираются в тот первый клуб, на Ку'дамм.

– Где был эффектный, заводной мулат? – решил уточнить я.

– О да! – выдохнула Белка подчеркнуто страстно и, в общем-то, не шутя.

Потом добавила:

– Ночью не жди меня, вернусь только к завтраку.

Этого она могла бы уже и не говорить. Я просто задумчиво кивнул.

А теперь представьте себе мое состояние в этот вечер. Я, конечно, попытался отвлечься на самую серьезную из проблем последнего времени, но проклятые топтуны невольно подтолкнули обратно к эротическим переживаниям, и только внезапно появившийся Тополь уберег от нелепой встречной измены.

Короче, в тот странный вечер ничто не было случайностью: ни филеры за спиной, ни Паулина, ни Тополь в том же «Винтергартене». И я был просто вынужден подчиняться обстоятельствам, тем более что началось это безумие практически сразу после моего загадочного возвращения из Сан-Франциско и Белкиного внезапного увлечения мужским стриптизом. Вот уже три недели ломал я голову над феноменом **точки сингулярности** и тряс всех, до кого сумел дотянуться, главным образом по одному вопросу: все это было на самом деле или просто приснилось мне?

Однако начну по порядку. В некий день апреля (или если угодно, весеннего месяца нисана) в некоем условном месте встретились девятнадцать человек.

Именно так: в некий день! Ведь по моему календарю это было девятнадцатого, но мнения, мягко говоря, разделились – кто-то прибыл из восемнадцатого, кто-то из двадцать второго, Редькины уверяли, что у них в Москве уже май, а пресловутый Давид Маревич вообще свалился на нас из девяносто первого года.

Именно так: в некоем месте! Ибо каждый пришел из своего города: Берлина, Твери, Москвы, Киева, Дуранго (штат Колорадо), Сан-Франциско и Кхор-Факкана (эмират Шарджа)

– и каждый в итоге ушел к себе домой, не прибегая ни к каким транспортным средствам, за исключением Тополя, Шактивенанды и Чиньо (они как прилетели на голубом вертолете, так и загрузились в него перед обратной дорогой), да еще Верба уехала с места событий верхом на лошади (возможно, на верблюде, врать не буду – не помню), я же лошади своей в точке сингулярности не обнаружил, предпочел присоединиться к Белке с Андрюшкой и вместо чужого Фриско отправился с женой и сыном домой в Берлин. Вот так это было по воспоминаниям моим собственным.

Теперь поехали дальше. Белка родная моя на голубом глазу уверяла, что ничего подобного не было вообще, просто, мол, я улетел в Киев (я же ей плел про Киев, Кречета и Булкина, – какая могла быть Верба и Фриско!) и на удивление быстро вернулся. Этой версии она придерживалась упорно, попытка обвинить ее в намеренной лжи натькалась на слезы, а излагаемые мною подробности вызывали состояние, близкое к шоку. Не помог и Андрюшка. Этот помнил дядю Нанду с **гармошкой** (на вариант с гитарой был в принципе согласен, но тяготел все-таки к гармошке), помнил и большой ящик с эскимо, но почему-то море, пальмы и красивые ракушки. Короче точка сингулярности отчаянно путалась у него со встречей Нового девяносто шестого года на Багамах. Значит, и здесь происходила очевидная абберрация памяти, если не сказать подмена реальности.

А великий наш физик Тимоти Спрингер, словно какой-нибудь комиссар полиции, лихо заявил мне, что вплоть до завершения следствия, то бишь, вплоть до составления полного экспертного заключения, он не выскажет вслух ни одной гипотезы. Извините, мол, господин, Малин. Я, конечно, извинил, но... ни хрена себе: я ему вообще кто? Залетный репортершика, жаждущий горячих новостей, или все-таки начальник непосредственный?! Ах, ну да! В службе ИКС никаких начальников нет, одни Причастные, по номерам и категориям, а со Спрингером у нас категория одна. Ладно, проехали...

Верба повела себя тоже неадекватно. На мое предложение: «Давай все-таки поговорим о девятнадцатом апреля» она стала хохотать как сумасшедшая, а, отсмеявшись, выдавала:

– Мишук! Отстань, а? Ведь мы с тобой так и не потрахались тогда. Я очень, очень соскучилась. Хочешь, приеду к тебе в Берлин?

– Нет, – испугался я, – не хочу.

Только в Берлине мне ее и не хватало. Андрюшка-то был уже совсем большой, все понимал, и мне вовсе не хотелось вовлекать сына в наши внутрисемейные разборки.

Шактивенанда, он же Анжей Ковальский, в лучших буддийских традициях принялся прямо в трубку мантры свои бормотать, и я предпочел по телефону эту ересь опасную не слушать, лучше выбрать время, да и махнуть к нему на Тибет – встречи с гуру всегда намного продуктивнее получаются.

Далее. Друг юности Майкл Вербицкий в коротком разговоре дал понять: он все хорошо помнит, но предлагает обсудить проблему по электронной почте. В первом же письме сообщил, что уже подверг случившееся серьезному компьютерному анализу в рамках своей давней концепции – о принципиальной виртуальности любых миров. Я попытался конкретизировать свои вопросы, тогда он внезапно взял тайм-аут и вовсе перестал отвечать: то ли испугался перлюстрации со стороны ФСБ, то ли действительно закопался в сложнейших программных задачах. В общем, и от него толку было мало.

На Юрку Булкина я практически и не рассчитывал. Что требовать с фантаста, поэта и музыканта? Богемный разгильдяй ответил со всею сибирской прямоотой:

– Слушай, какая разница: было это, не было, приснилось, придумалось... Главное, жить стало интереснее. И я сейчас об этом песню пишу. Так и называется – «Точка сингулярности».

– Спасибо, – ответил я.

Ну, и, наконец, птички.

Лешка Кречет заявил жестко:

– Не по телефону. Увидимся – поговорим.

– Когда? – поинтересовался я.

– Пока не знаю. Сильно занят. У нас в Украине большой скандал назревает. А твой вопрос на самом деле не срочный.

Вот так.

И Степашика Лебедев, то есть Стив Чиньо отвечал примерно в том же духе:

– Микеле, приезжайте ко мне в Неаполь.

Но мне почему-то не хотелось к нему в Неаполь.

Плюнуть я решил на все их эзотерические методы, на мистику, фантастику, и поэзию. В конце концов, я человек с конкретным техническим образованием, любимый Менделеевский институт научил в свое время главному – на первом месте системный подход к любой проблеме и великая «бритва Оккама». Принцип древнего английского философа-францисканца Уильяма Оккама «не изобретать сущностей сверх необходимого» почитал я выше всякой религиозной концепции, посему и отправился напрямик к друзьям из разведки БНД. Эти ребята никогда ничего лишнего не изобретали. Просто пахали, как бобики, и делали все основательно. Тихой сапой фильтровали они информационные потоки от многих спецслужб и в Америке, и в России, и в Турции, и еще Бог весть где. Так что не могли германские разведчики не знать сегодня про точку сингулярности, и свою оценку непременно дали бы происшедшему. Но...

Леня Горбовский опередил события и притащился ко мне в Берлин самолично.

Обо всех своих преимущественно телефонных изысканиях я и рассказал ему, пока мы, нежась в эргономических креслах, не ехали, а скорее мягко плыли через весь Берлин на его феерической машине. Даже стиральная доска брусчатки в родном Айхвальде практически не ощущалась под колесами этого новомодного чуда компании «Даймлер-Крайслер». А на заднем плане всех разговоров у меня навязчиво и неизменно висела мысль: как здорово в такой машине трахаться! Ну и конечно про Белку со стриптизером я тоже поведал Тополью весьма подробно. Наверное, даже чересчур, во всяком случае, он стал коситься на меня несколько странно.

И вот мы заходим в дом. Андрюшки нет – на неделю отправлен к бабушке. Только кот Степан и встречает нас у порога. Садимся на кухне. Тополь все отмалчивается, будто решает, с чего бы начать, или – того хуже – стоит ли вообще говорить. Массовое какое-то заболевание! У кого амнезия, у кого – полное безразличие к проблеме, у кого – страх не понятно перед кем или чем. И только я один, несмотря на сексуальную озабоченность, бьюсь, как рыба, даже не об лед – лед ведь рано или поздно тает – бьюсь, как рыба, о крепчайший прозрачный пластик аквариума.

Заметьте, получив ответ на первый вопрос, я тут же согласно системному подходу, начну решать второй: что это было? (Звучит, как модная поговорка). Ну а действительно, что за предсказание такое удалось считать с пресловутых зашифрованных дискет? Насколько серьезно можно к нему относиться, и вообще...

Ведь речь там шла, братцы мои, ни много, ни мало о конце света в самое ближайшее время.

– Выпить хочешь? – наконец, не выдержал я.

Все-таки был уже вечер, и довольно поздний.

– Только кофе, – сурово отозвался Леня.

– Спать, что ли, не собираешься? – поинтересовался я. – Учти, я кофе варю настоящий и крепкий.

– Очень хорошо, – кивнул он.

– Ну, а я все-таки коньячку. Весь день хожу трезвый, как придурак.

Тополь посмотрел на меня с укоризною:

- Потерпи еще полчаса. Ладно? А потом будет хороший повод нажраться.
- Леня, ты мне хамишь, – слегка обиделся я.
- Так я же говорю, повод серьезный, – упрямо повторил он.
- Ладно, слушаю тебя, – смирился я.
- А ты сначала прочти.

И он протянул мне на трех листах милый такой документик под названием типа «Заключение особого отдела ЧГУ по докладу агента 107 от „апреля 1999 года». Прокомментировал:

- Хранить этого не стоит, прочтешь, и я сразу сожгу. У тебя камин есть?
- Камин-то есть, но топить его в такую жару...
- А топить и не надо, – несколько загадочно произнес Тополь. – Ты читай пока.

Агент 107, он же небезызвестный Никулин-Чуханов-Джаннини-Грейв к вопросу подошел серьезно и, не побрезговав вначале бритвой Оккама, затем не побрезговал и теми достаточно грязными ошметками, которые эта бритва отсекала. Короче он рассмотрел все варианты:

1. Массовый психоз под действием общего фактора
2. Массовый психоз под действием индивидуальных факторов с целенаправленным подбором.
3. Массовый гипноз с наведением галлюцинаций из одного центра.
4. Феномен столкновения двух разных противонаправленных психотропных средств
5. Психотропная атака Третьей силы с целью деморализации обоих противников.
6. Сновидение (галлюцинация) одного из участников с последующим внушением остальным.
7. Эксперимент над людьми со стороны внешней (относительно человечества) силы.
8. Реальное существование в природе пространственно-временных искажений, позволяющих переходить на следующую гностическую ступень (ступень познания).

Таким образом, веру в реальность точки сингулярности Грейв заткнул на последнюю восьмую позицию, но, тем не менее, счел необходимым оценить серьезность прогноза, считанного с секретных дискет. Судите сами, вот он этот анализ:

1. Возраст самих дискет (врученных Базотти – Форманову через агента 107, и Сиропулосом – Лозовой непосредственно) указан устно и в файле как 9000 (девять тысяч) лет. Степень достоверности крайне низка.

2. Возраст информации на дискетах – 9000 лет. Степень достоверности выше, но все-таки логичнее предположить, что имелись в виду девять веков, девять поколений или девять еще каких-то условных единиц времени, а информация пострадала при устной передаче.

3. Степень информированности Фернандо Базотти и Николаса Сиропулоса о происхождении дискет и их содержании – высокая, но вероятность нахождения этой информации в письменном виде – крайне невелика.

4. Реальность существования Норберта Фогеля доказана полностью. Факт передачи тайной власти от Фогеля к Базотти документально не подтвержден, но степень достоверности этого события очень высока.

5. Информация о наступлении конца света на рубеже 2000 и 2001 годов представляется либо устаревшей, либо искаженной. По мнению подавляющего большинства аналитиков, вероятность подобного события близка к нулю.

6. Реальную опасность представляет собою не наступление указанного момента времени, а само явление точки сингулярности, то есть локальное искажение пространственно-временных структур и причинно-следственных связей. В иной концепции: локальное нарушение настройки биополей нескольких (вариант: очень многих; вариант: абсолютно всех) индивидов одновременно.

7. Не исключено, что образование точки сингулярности – это демонстрация на локальной модели того самого конца света, который и должен наступить по всей планете (Галактике, Вселенной) через полтора с небольшим года (рассматривается самый маловероятный вариант).

8. В этом случае необходимо предпринять все меры к предотвращению повторения ситуации «» апреля и обратить особое внимание на концепцию М. Вербицкого о виртуальности Вселенной (фраза из дневников М. Разгонова об этой концепции и стала ключевой при вводе данных для совместного чтения двух дисков).

9. Также особого внимания заслуживают все тексты Разгонова, в том числе и еще не написанные.

10. Всех участников События, включая автора Доклада и высших руководителей службы ИКС необходимо взять под постоянное наблюдение (насколько это реально для каждой конкретной персоны) и сделать все возможное, дабы вплоть до января 2001 года препятствовать встречам этих девятнадцати.

Отдельным пунктом без номера шла очень милая приписка: –

Вариант физического устранения всех девятнадцати свидетелей события рассмотрен, проанализирован и признан, как минимум, бессмысленным и дорогостоящим, а не исключено, и по-настоящему опасным.

– Ну, как, – спросил Горбовский, – тебя по-прежнему больше всего интересует, кто висел у тебя на хвосте?

– Сказать тебе, что меня сейчас на самом деле интересует сильнее всего?

– Когда я разрешу тебе выпить.

– Не угадал.

– Тогда молчи, – быстро сказал Тополь. – Ты тоже не сумеешь понять главного, пока не помотришь еще кое-чего.

И он жестом фокусника извлек из-за пазухи самую обыкновенную видеокассету.

– Стандартная «взхэска»? – поинтересовался я деловито.

– Да.

– Тогда переходим в комнату.

Тополь поднялся, и я воспользовался невольной паузой

– Скажи, Леня, а ты-то веришь в этот конец света?

– Хороший вопрос. Нет, конечно. Об этом я и хотел тебе сказать, прежде чем поставить пленку. Эти колдуны плаща и кинжала окончательно сошли с ума. Они готовы рассматривать всерьез любую ахинею, а сам генерал Форманов просто не лезет в их бредовые затеи. Корректирует лишь то, что касается практических инструкций и выжидает момента, когда потребуются шандарахнуть кулаком по столу и разогнать всех идиотов по рабочим местам. Но их мышинная возня имеет слишком большой резонанс.

Тополь помолчал задумчиво.

– Да нет, какая уж она мышинная! – возразил он сам себе. – Скорее, это слоновья возня в посудной лавке. Тотальная слежка за девятнадцатью персонами, среди которых я и ты, Верба и Спрингер, наконец, Анжсей и Стив... Такая слежка не могла не вызвать ответной реакции.

– Чьей? Нашей? – спросил я, опять перестав дистанцироваться от службы ИКС, подосознательно и внезапно, а значит, искренне.

– Не совсем, – сказал он. – Ты ведь, кажется, уже понял, что Стив Чиньо, как один из приемников Базотти, а также твой друг Кречет, его друг Петер Шпатц из Мюнхена и еще десяток важных персон защищают интересы некой отдельной группы. Ты называл их для

себя Третьей силой. И Грейв так же называет. Трогательное совпадение. Но на мой непросвященный взгляд, никакой третьей силы нет – есть группа умных людей, представляющих на самом деле интересы всей планеты в целом. Они – словно сборная человечества по интеллектуальной борьбе с возможным соперником из Вселенной. Соперника пока нет, и эти люди просто следят за нами. С тем, чтобы мы лишних глупостей не наделали.

Я откровенно заскучал.

– Леня, но ведь все это совсем недавно рассказывал мне лично Стив Чиньо.

Тополь нахмурился и терпеливо объяснил:

– Погоди, сейчас будет новое. Эту кассету он сам и показал мне. И разрешил прокрутить еще один раз, только один – для тебя. О копиях речи нет. И даже Вербе он показывать не советовал.

– Это почему же? – насторожился я.

– Боится женских эмоций.

– У Вербы? Женские эмоции? Смешно. Думаю, что я, например, гораздо истеричнее Татьяны. – Оставь это на совести Стива.

– Оставлю. И что же?

– А то что, на его совести есть вещи и пострашнее, – Тополь постучал пальцем по видеокассете. – Для выполнения своих целей они решили привлечь сегодня профессионального террориста. Впервые. Эти высокомерные птицы тоже сходят с ума. Вот что пугает меня сильнее всего, Миша. И я прошу тебя подумать очень серьезно. Теперь можешь налить себе коньяка, можешь даже мне налить, не уверен, правда, что буду пить. И давай, наконец, посмотрим пленку. Она короткая – запьянеть не успеешь. А после – уже неважно.

– Почему неважно? – удивился я.

– Потому что спешить станет некуда. Спешить будет даже противопоказано. Только думать и ждать. Хорошенько думать...

– Ладно, – я пожал плечами, еще не понимая и половины его печальных речей.

А Тополь неожиданно спросил:

– Ты хочешь вернуться в Москву?

– Дурацкий вопрос. Ты его еще Ольге моей задай.

– Так вот, если эта операция закончится успешно, вы обязательно вернетесь в Россию.

– Которое это по счету обещание? – скривился я недоверчиво.

– Не помню. А ты не требуй объяснений, я просто знаю, что сегодня это действительно так.

Я еще раз пожал плечами и расплескал коньяк по классическим французским фуужерам. Коньяк был хороший. Кажется, «Гастон де Лягранж экстра олд». Тополь слегка подался вперед и, практически не отрываясь от кресла, своими длинными ручищами воткнул кассету в видак.

Диалог двух персонажей начинался как бы с середины действия:

– Скажите, Эльф, с какой целью вы убивали людей?

– Всякий раз у меня были разные цели, Владыка Урус.

– И вы считаете, что это хорошо?

– Что хорошо? Иметь разные цели или убивать людей?

– Прекратите отвечать вопросом на вопрос.

– Прекращаю.

И оба умолкли. Тот, которого звали Владыкой Урусом, задумчиво погладил широкую ненатуральную бороду, белой пеной спадавшую едва ли не до пояса – ну, ни дать, ни взять Дедушка Мороз, – медленно-медленно, словно боясь наступить на длинные полы своей мали-

новой накидки, подошел к окну, уперся лбом в стекло и так долго смотрел наружу, что второй, называемый Эльфом, не выдержал, подкрался ближе и глянул старику через плечо.

Последовал долгий план вида за окном: звезды вверху и звезды внизу. Красиво. Огни ночного мегаполиса, словно отражение неба в черной воде спокойного озера. Снято было здорово, и я не удержался от вопроса:

– Леня, это кино?

– Нет, это хроника, – объяснил он, – но снято профессионалом и действительно с претензией.

Эльф спросил:

– Что это за город?

– Это не город, – объяснил Урус нехотя. – Это космос. Мы предпочитаем абстрагироваться от конкретных земных пейзажей. Сейчас вы наблюдаете шаровые скопления неподалеку от центра Галактики, поэтому в небе так непривычно много звезд.

– А-а-а, – протянул Эльф с показной любознательностью неофита. – А в самом центре Галактики, там, наверно, вообще сплошной свет по ночам, а темнота лишь маленькими точечками рассыпана?

Владыка Урус бросил на Эльфа сердитый взгляд:

– Что за странные шутки? Вы впервые присутствуете на подобном совещании?

– Я был на похожих сборищах несчетное число раз, но на таком идиотском, сэр, впервые.

Владыка Урус еле заметно поморщился от этого нарочитого хамства, потом еще раз погладил бороду и вкрадчивым голосом осведомился:

– А все-таки сколько же раз вас посчитали убитым?

– Восемнадцать, ваше святейшество! – отрапортовал Эльф, щелкнув каблуками и дурашливо прикладывая руку к «пустой» голове.

– О, Боже, которого нет! – не удержался Владыка Урус. – Вам что, доставляет удовольствие сам процесс?

– Нет, сэр, результат. Я не шучу. Я совершенно серьезно. Я действительно всякий раз получал все более и более сложные задания. А это как раз мое.

Владыка Урус шумно выдохнул и замолчал на добрых полминуты.

– Владыка Чиньо, – обратился он, наконец, к одному из участников высокого собрания. – Этот человек не обманывает нас?

Стив Чиньо, укутанный в нелепую серебристую хламиду, церемонно поднялся. Его здесь тоже звали владыкой.

– Нет, он говорит правду. К сожалению.

И так же церемонно сел.

– Ваше мнение, Владыка Шагор.

– Человек получает удовольствие от своей работы, – проговорил эффектный горбоносый тип с мексиканской бородкой. – О чем тут сожалеть? Полагаю, Эльф может стать одним из лучших наших работников.

Наблюдая за разгорающимся спором, Эльф улыбнулся, достал из пачки сигарету и небрежно щелкнул пьезо-зажигалкой. Огонька не было.

– Здесь нельзя курить, – спокойно пояснил Владыка Урус.

– Почему? – спросил Эльф просто.

Владыка Урус растерялся от такого нелепого вопроса.

– Владыка Шпати, объясните ему!

– Нельзя – и все. Этому нет объяснения, – «объяснил» Владыка Шпати, облаченный в некое подобие фиолетовой епископской мантии.

– Абсурд, – тихо выдохнул Эльф.

«Действительно абсурд», – подумал я.

Стив всегда производил впечатление очень серьезного, делового человека, а тут при его активном участии разворачивался какой-то костюмированный спектакль, если не сказать балаган. «Цирк на льду», – вспомнилась оценка Лешики Кречета. Господи, да неужели и он вот так же наряжается во Владыку и вещает, хлопая какими-нибудь бутафорскими крыльями?

– Братья, – вступил меж тем в разговор новый персонаж, то ли индус, то ли араб. Его лицо цвета горького шоколада, не исключено, гримированное, резко контрастировало с белоснежной чалмой и таким же бурнусом, – о чем мы говорим? Ведь решается серьезный вопрос.

– Какой именно, Владыка Бхактивиниагма? – словно проснулся некий фронт в обыкновенном, но весьма дорогом костюме от Тома Форда.

– Позвольте мне, – Владыка Урус, наконец, вернул бразды правления в свои руки. – Начнем с того, что агент по имени Эльф – это, по сути, третий исключительный случай в нашей практике.

– Ой ли! – Владыка Шпатц немедленно выразил скепсис по этому поводу. – Я бы не стал сравнивать. Эльф является постоянным сотрудником нескольких спецслужб. Такое было?

– Ну, почти, – все с той же саркастической улыбкой заметил Шагор. – Например, блестящие бойцы нашей гвардии. Разве не так, Владыка Джереми?

– Не так, – откликнулся фронт. – Человек по имени Эльф был еще и террористом.

– Вот! – поднял палец Владыка Урус.

И все уважительно замолчали. Видимо, это и было самым главным.

Эльф снова вытянул из пачки сигарету, тут же вспомнил о запрете, и, нервно сломав ее в кулаке, сунул руку в карман.

После такой паузы Владыка Урус уже полностью овладел ситуацией, больше ни один из собравшихся не перебивал его, и старик сумел последовательно изложить свою концепцию, а вместе с ней и задачу Эльфа.

Получалось, примерно следующее. Выхода у них не было. Никто, кроме этого неубиваемого террориста, не способен был помочь человечеству выжить.

Цирк на льду кончился. Начинаясь космическая опера с откровенно опереточным сюжетом. Как руководитель творческого семинара фантастов я обсмеял бы такой сюжет, не дожидаясь иных мнений. С другой стороны, как благодарный зритель блок-бастеров я не отказался бы посмотреть нечто подобное при условии хорошей компьютерной графики и приглашения на главную роль Брюса Уиллиса. А кстати, Эльф был чем-то похож на него. Однако Тополь косился на меня серьезно и мрачно. Смотри, мол, дурень, это не кино. Ну, и действительно, с какой бы это радости Стиву Чиньо на старости лет в фантастическом боевике сниматься, да еще в таком бездарном?

А ситуация в изложении старика Уруса выглядела вот как. У непутевых политиков по обе стороны океана опять стряслась большая беда. В очередной неустовой попытке передать друг друга люди придумали новое абсолютное оружие. Даже не оружие, а просто наикратчайший путь к концу света. Охотясь друг за другом, сильные мира сего, наконец, поняли, что для победы совсем не обязательно отстреливать всех поодиночке, достаточно нескольким избранным попасть в точку сингулярности. А это такая специальная точка, где становится доступным АБСОЛЮТНО ВСЕ, ибо у находящегося в ней власть над миром безгранична. (Вот вам еще одно объяснение происшедшего, не учтенное Грейвом!)

И они сумели найти путь в этот сомнительный эдем.

Вопрос: кто такие – они? Ответ: две самых могущественных организации на Земле. Сверхсекретная служба ИКС (Интернациональная Контрольная Служба), объединяющая

практически все демократически настроенные силы планеты от американского АНБ до японской разведки. И – аналогично-симметричная, столь же глубоко запрятанная от посторонних глаз структура с невзрачной вывеской ЧГУ (Четырнадцатое Главное Управление, якобы ФСБ), в действительности давно подмявшая под себя не только родную ФСБ, но и все дружественные ей спецслужбы в тоталитарных странах. (Я слушал и умилялся этим формулировкам.)

Они нашли точку сингулярности вместе. По-другому и быть не могло. Но ни те, ни другие ничего не поняли. Никому из них по положению и по роду деятельности не полагалось верить в чудеса. А разложить странное явление на рациональные составляющие никак не удавалось ни тем, ни другим. И все было б хорошо, если б так и закончилось двумя-тремя нелепыми отчетами, которые начальство в подобных случаях торопливо прячет под сукно. Но среди тех, кто оказался в точке сингулярности, были еще и достаточно случайные люди: писатели, романтики, разгильдяи... А вот это уже грозило очень серьезным нарушением равновесия в мире.

Эльфю вменялось в обязанность ни много, ни мало – восстановить поколебавшийся порядок. Как? Нет, опять не угадали. И здесь обошлось без душегубства. Уничтожить персонально каждого, побывавшего там, не просили. Вежливо прокомментировали, что этот способ обкатывался в истории не однажды, результаты давал, разные – от стопроцентных до никаких. Но в данном случае классический подход спецслужб всех времен и народов не годился принципиально. Почему? Ну, как водится у них, у Владык, это не объяснялось. Однако план разработали подробный. Вот только на первый (да и на сто двадцать первый) взгляд, полный абсурда. Ну, действительно: почему вдруг свет в очередной раз сошелся клином на России? И, что особенно смешно, на ее экономической политике. От успехов в такой сугубо частной области ни с того, ни с сего зависела дальнейшая история человечества.

Я-то сразу и, признаться, с известной тоскою, узнавал дивную внелогическую манеру наших тибетских братьев по разуму. А вот что себе думал сугубо практический человек по имени Эльф, трудно сказать. Во всю эту чушню он, конечно, не верил – улыбочивые глаза выдавали на раз. Однако работу парню предлагали понятную, знакомую, и отказываться было грех. По существу, от него требовали одной элементарной вещи: предотвратить очередной заговор, очередную попытку глобальной диверсии, злонамеренного сталкивания десятков стран в пучину экономического хаоса. «Пацаны, не вопрос!» – читалось на лице бывшего террориста.

А пресловутый дед Урус, закончив свой пафосный монолог, снова долго молчал, глядел на звезды, потом повернулся к Эльфу и спросил:

– Так вы готовы?

– Всегда готов! – по-пионерски салютовал Эльф.

Молодец! Он оставался верен себе. Своему скепсису, своим шуткам. Это вызывало уважение и симпатию. Его супергеройство не было декларативным, показным, наоборот – огромная скрытая сила ощущалась в каждом движении, в каждом слове и взгляде. И вместе с тем некое прямо противоположное чувство к этому человеку неудержимо нарастало у меня в душе. Страх? Осуждение? Брезгливость? (Все-таки он профессиональный убийца!) Нет, тут что-то другое. Соперничество? Ближе, ближе... Значит, зависть? Или ревность? Во, сказал-то! Кого и что мне было делить с незнакомым человеком? Может, работу, миссию?..

От этих мыслей отвлекла громкая реплика с экрана, произнесенная старым знакомцем Стивом. Какие-то предыдущие слова я элементарно прослушал.

– Ну, вот и славно, дружище. Отправляйтесь, – напутствовал нашего героя Чиньо. – В добрый час!

Впрочем, все это было уже несущественно. Пленка закончилась, по экрану побежали серые полосы, Тополь резко поднялся и, выдернув свою информационную бомбу из кассетопри-

емника, решительно швырнул ее в холодный камин. Я не успел спросить, что он собирается делать – так стремительны оказались его движения. Листы с заключением ЧГУ уже лежали там же, на давно остывших угольях, когда Тополь извлек маленький баллончик размером чуть больше зажигалки и плеснул в камин огненной струей.

Таких игрушек мне еще не доводилось видеть.

– Карманный огнемет? Удобно, – оценил я.

Кассета плавилась, трещала и кукожилась, объятая пузырящимся напалмом. А бумаги уже просто не было.

От этого ритуального сожжения у меня немедленно и очень сильно заболела голова, я выпил изысканный коньяк, как водку, и тут же налил себе еще.

– Думаю, теперь ты понял главное, – как-то невпопад прокомментировал Тополь, и вдруг засобирался.

Я хотел сказать ему, что ровным счетом ничего не понял, и что главная для меня по-прежнему Белка, мысли о ней, о том, как она там кувыркается с умопомрачительным мулатом; а также о Паулине, которая делает сейчас минет рекламищику Рольфу Витке, она набрала полон рот шампанского, смешно надула щеки, и пузырьки игристого вина, лопаясь, щекоцут чувствительную кожу и ему, и ей, и все это могло бы происходить со мною...

Вот чем была занята моя голова, вместо мрачного Грейва, лихого Эльфа и всех этих провинциальных артистов с накладными бородами.

Но я решил избавить Тополя от подобных откровений, и просто вежливо проводил его до дверей. Он просил не затягивать с конкретными вопросами, если таковые возникнут, обещал сам держать в курсе всех новостей. И, наконец, вспомнил перед самым уходом. Очевидно, тоже не случайно.

– Ты знаком с Дитмаром Линдемманном?

– Шапочно, – сказал я. – Виделись на каких-то бизнес-ланчах. Раза два на переговорах. В берлинских, точнее даже в германских финансовых кругах мимо такой фигуры пройти трудно.

– Так вот, Миша, аккуратно наведи о нем справки. И попробуй встретиться невзначай. Но только невзначай. Никакой нарочитой активности. Ты понял? Это может быть очень важно для нас.

– Понял, – кивнул я, – про старика Дита сообщу.

А про себя подумал, уже простившись с Горбовским: «Ну, полная каша у них! При чем здесь германский большой бизнес?»

Все, ребята. Ну вас к черту! Настал момент решить, как именно я буду ждать Белку. Времени до утра оставалось изрядно.

Можно было тривиально лечь спать: недосып накопился за много дней. Но после встречи с Горбовским сна, как водится ни в одном глазу. И что же теперь – терзать себя воображаемыми картинками одна другой хлеще или пригласить девушку-проститутку? И то и другое – бред. Не слишком долго размышляя, я накатил еще коньячку, лег и включил телевизор. Потом нашарил среди множества спутниковых каналов французский эротический, повосхищался тонкими изысками парижских умельцев, переключился на шведскую программу – попроще, поглубже, более откровенную, наконец, самое разнузданное шоу, практически уже порнотень поймал на польском телевидении. В итоге я добился, чего хотел: резкое возбуждение, которое вызывали варшавские развратницы, сменилось здоровой зевотой, и глазки мои слиплись, едва погас экран.

А Белка разбудила меня около часу дня нежным поцелуем и словами:

– Я уже помылась. Хочешь меня?

– Хочу, – ответил я честно. – Только сначала расскажи.

– Ты будешь ревновать и злиться.

– Нет, – пообещал я.

А вот рассказывать она как раз и не умела. То есть глупо стеснялась, как девушка-гимназистка. Мешало ложно понимаемое чувство вины. Я совершенно не злился. Ревновал – да, но ровно в той степени, в какой это было необходимо как острая пикантная приправа к нежным чувствам и страсти. Я еще раз открывал для себя совершенно новую Белку и наслаждался этим. Сам процесс вытягивания из нее подробностей возбуждал сильнее всяких стриптизов и эротического массажа. Хотя подробности и оказались несколько скучноватыми. Парень-мулат с литыми мускулами и фантастической подвижностью всего тела демонстрировал в сексе абсолютный примитив: не человек, а какой-то отбойный молоток. По разряду «предварительная игра» предлагался дилетантский набор наскоро заученных ласк, не доставлявших радости самому умельцу, а половой акт выполнялся как чисто спортивное упражнение, при этом от перемены поз загадочным образом абсолютно не менялись ощущения. В общем, Белка толком и не поняла, удалось ли ей добраться до финиша.

– Как это может быть? – не поверил я.

– Очень просто. У меня и раньше бывало иногда, не знаю, от чего это зависит, такой скучный, бледный финал, когда мучаешься, мучаешься, а потом вдруг становится приятно, ну и ты сразу расслабляешься и думаешь, ладно, хватит на сегодня. Короче, этот парень – как самая дешевая конфетка в шикарной упаковке. Я поняла – на них надо смотреть, а трахаться – только с тобой.

И это было так трогательно сказано, что больше я уже ни о чем не хотел слушать. Мы были одни в доме, Бригитта осталась в городе, а Рюшик, как я уже объяснял, жил у бабушки с дедушкой в Ланси.

И не было в целом свете ни Грейва, ни Эльфа, ни ИКСа, ни ЧГУ, ни их дурацкой точки сингулярности.

Только мы вдвоем с Белкой. Только мы

Глава первая

КНЯЗЬ МЫШКИН В «ЛИНКОЛЬНЕ-НАВИГАТОРЕ»

1

Возле вокзала Цоологишер Гартен (никто его, впрочем, так длинно не называет, все говорят просто Цоо), сверкающего немислимой чистотой полов, прозрачностью стекол, серебром и золотом металлической отделки, благоухающего цветами из бесчисленных магазинов и пирожными из бесчисленных кафе – возле всего этого великолепия постоянно отирается масса очень грязных и очень несимпатичных личностей всех цветов кожи и самой неожиданной национальной принадлежности.

Франц Швиммер, один из референтов финансового магната Дитмара Линдемманна, предпочитал бывать в этом месте пореже. Вылезая из своего скромного «Опеля-Омега» (девятью девятого года, с кожаным салоном, трехлитровым движком и турбонаддувом), он всякий раз боялся испачкаться о цветные лохмы какого-нибудь панка или об яркий макияж слишком навязчивой проститутки. А тут еще этот турок назначил ему встречу под вывеской «Магазин для геев».

«Пристрелю гада, если опоздает, – скрипел зубами Франц, зверея все больше. – И почему нельзя было получить сообщение прямо из Турции? Идиотизм какой-то!»

У Швиммера хватило ума задать этот вопрос патрону и испытать на себе настоящий эмоциональный сель. Дескать, Линдемманну, никто и никогда не должен звонить из Турции, тем более приезжать к нему оттуда, Линдемманн не хочет и не будет иметь ничего общего с этой страной, пронизанной насквозь спецслужбами России, Британии, Америки, Греции, Израиля, родной БНД в конце концов, а тут еще эти курды, этот Аджалан, будь он трижды проклят! И кто это придумал, что его надо под суд отдавать? Пристрелили бы сразу, как бешеную собаку! С такими по другому нельзя. Но турки, есть турки, они очень хотят сегодня выглядеть цивилизованной европейской державой. Смешно! Линдемманна не проведешь! Он никогда не вкладывал денег в Турцию, и никогда не вложит туда ни марки, и никаких совместных проектов со Стамбулом, и ни одного турка не примет на работу ни в одну из своих фирм...

Ну и так далее. Дитмар завелся. Называл себя в третьем лице и поливал Турцию на все корки, он уже миновал современный период, и, перейдя к истории, объявлял анафему первому президенту Ататюрку. Очевидно, дальше со всей неизбежностью ожидалось пассажи о геноциде армян, об Оттоманской империи, о янычарах... Франца спас телефонный звонок. Он уже не мог больше этого слушать, хотя в принципе со многими эмоциональными заявлениями шефа был согласен. Если б только еще вся эта патетика имела хоть что-то общее с реальным положением дел в финансовой империи Линдемманна!

Можно ли заниматься разведением кенгуру и не дружить с Австралией? А у Дитмара его любимыми кенгуру последнего времени были туристический бизнес и мелкооптовая торговля – то и другое с сильным российским уклоном. Турция же давно превратилась в шестнадцатую республику бывшего Советского Союза. Получить в Москве турецкую визу было теперь на порядок легче, чем эстонскую или латышскую – десять долларов и чисто формальная проверка документов. А два дня в году виза и вовсе была бесплатной: для женщин на Восьмое Марта (это какой-то старый феминистский праздник, придуманный еще соратницей Ленина Кларой Цеткин и отмечаемый до сих пор только в России), а для мужчин – двадцать третьего февраля, в День Советской(!) армии. Швиммер, когда услышал об этом впервые, думал, что над ним просто издеваются, а потом навел справки, и оказалось, действительно: великая мусульманская

страна, не однажды воевавшая с Россией, а восемьдесят лет назад дававшая прибежище Белой гвардии, ныне чтит праздники большевистских комиссаров.

И вот в таком обезумевшем мире его шеф еще кричал о каких-то принципах! А главное, слов-то было сказано много, но ведь Франц так и не получил ответа на свой вопрос: в чем же практическая необходимость столь сложной передачи информации? Вот с чем связана спешка, это он понял: турецкие события, по расчетам босса, должны были повлиять на курс немецкой марки, но не сразу, а спустя сутки или двое, однако он намерен был убедиться в правильности своих оценок именно ночью, а не утром, когда весь мир узнает о случившемся из информационных выпусков и кто-нибудь еще такой же умный сумеет сложить два и два и придет к аналогичным выводам.

В Стамбуле уже час ночи, в Берлине – только одиннадцать, но для благопристойных немцев – это глубокая ночь, восточная часть города давно погрузилась во тьму, да и в западной почти ничего не работает в это время, только ночные клубы, да вокзальные магазинчики и рестораны. Более шумного и противного места, чем Цоо в этот час в германской столице не найти! По шикарной Ку'дамм слоняются наширявшиеся наркоманы и торговцы всяким поганым зельем, полуголые раскрашенные девки и не более одетые персонажи малопонятной сексуальной ориентации, даже «штадт полицай», такая незаметная в других местах и в другое время, выползает здесь и сейчас на всеобщее обозрение и начинает угрожающе похлопывать резиновой дубинкой по ладони, опершись на свою пижонскую четырехцилиндровую «Хонду» в боевой раскраске. А сколько тут цветных! От нигтеров и косоглазых просто рябит в глазах. Впрочем, ни цветных, ни наркоманов, ни шлюх полиция возле Цоо не цепляет, здесь хватают только фашистов с откровенной символикой. Франц видел однажды: белокурый паренек со свастикой во всю майку даже крикнуть ничего не успел, только руки вскинул, а его уже скрутили – и к машине.

«Не с теми борются», – печально думал Франц Швиммер.

В последнее время Германия стала сильно напрягать его своей чрезмерно интернациональной демократичностью, этим перезрелым комплексом вины за гитлеризм и тошнотворным заискиванием перед Израилем и всеми евреями мира. Франц не был немцем. Его вообще с детства звали Фрэнк Свиммер, это Дитмар из каких-то высших соображений переокрестил любимого референта.

Франц глянул на свои скромненькие часы «Тиссо» (за пять тысяч марок) и понял, что курьер опаздывает на целую минуту. А диктофон уже работал.

И тут же в толпе мелькнула смуглая рука со сложенным вдвое журналом «Пентхаус» (первая условная примета), а в следующую секунду он увидел красную майку с портретом Че Гевары (вторая условная примета), и накопившаяся злость Швиммера несколько поутихла.

– Давайте отойдем туда, к зоопарку, – предложил курьер. – Меня все в Берлине принимают за турка. А я на самом деле азербайджанец, по старым временам сказали бы русский, советских граждан всех русскими звали...

«Зачем он говорит так много? – недоумевал Франц. – Меня об этом не предупреждали. Я жду короткого делового сообщения, которое во избежание разночтений и искажений должно быть записано на пленку».

Азербайджанец трещал без умолку на очень приличном, кстати, немецком языке. Он поведал Францу обо всех своих друзьях и родственниках, при этом несколько раз затравленно оглядывался по сторонам. И только около ограды зоопарка, метрах в пятидесяти от входа, примерно напротив вольера, где, если Франц правильно помнил, обитали экзотические двухцветные тапиры, курьер остановился. Здесь было относительно темно и пусто. Азербайджанец сделал по-дилетантски большую паузу в своем словесном потоке и быстро выпалил:

– А вообще все идет по плану. Акция состоялась. Контакты объекта пресечены, фигурант нейтрализован. Вот только у Фариды есть особые соображения.

А дальше Франц облился холодным потом, потому что особые соображения некоего Фариды этот сумасшедший излагал на своем родном турецком или азербайджанском языке – какая разница? Кто-то объяснял однажды Францу, что это в действительности один и тот же язык с очень незначительными различиями. Но Швиммер не понимал ни слова по-турецки и это мгновенно обозначилось у него на лице, однако азербайджанец продолжал говорить быстро, с жаром, и даже схватил Франца за руку, чтобы тот, не дай Бог, не убежал раньше времени. Неужели он знал, что все идет на запись? Этот кошмар продолжался, казалось, минуты три. Потом курьер иссяк, и Швиммер рискнул спросить:

– Это все?

– Теперь все, – кивнул азербайджанец, и добавил небрежно, как настоящий немец. – Чус! Иностранцы норовят сказать длинно – «ауф видер зейн», да еще и легкий поклон изображат, а этот повернулся резко и зашагал прочь.

Вот только недалеко он ушел.

Франц и сам торопился покинуть неприятное место, но что-то заставило его обернуться, и как раз вовремя (или наоборот не вовремя?)... Выстрел не выстрел – словно какой-то зверь хрюкнул или чавкнул из-за кустов зоопарка, и в тот же миг у парня-азербайджанца не стало головы.

Если бы потом Франц обнаружил на своем костюме прилипшие частички костной ткани или мозгов, он бы даже не удивился – расстояние-то было несерьезным, Но в том-то и дело, что ничего ему на пиджак не попало. Голова курьера словно испарилась за один миг в адском пламени. О современном оружии Швиммер знал много – увлекался этим одно время, но о таком... даже не слышал никогда.

Он не помнил, как оказался в своей машине. Он только твердил себе, что уже прямо завтра возьмет у Линдемманна расчет и улетит в родной Иллинойс. Хватит! Никаких денег ему больше не надо. Жизнь дороже. Дитмар не посвящает его почти ни во что. А вокруг уже начинают убивать людей из каких-то инопланетных бластеров. О, Боже!

Диктофон казался ему раскаленным угольным брикетом, вынутым из камина. Сильнее всего на свете хотелось избавиться от вставленной внутрь кассеты и никогда, никогда не знать перевода на английский или немецкий этих чертовых фраз, произнесенных человеком за несколько секунд до собственной смерти.

2

Из специального досье Четырнадцатого Главного Управления ФСБ (ЧГУ)

Пинягин Игорь Валерьевич, рост 157 см, вес 56 кг. 1971 года рождения, русский, кличка – Пиндрик. Холост. Родился в Москве. Отец – Хуснутдинов Валерий Рафикович, татарин, инженер-электронщик, мать – русская, Пинягина Мария Степановна, бухгалтер. Закончил среднюю школу, работал штамповщиком на заводе АЗЛК. С 1989-го года на срочной службе в танковых войсках. Завербован в 1990-м. В 1994-м закончил спецучилище ЧГУ. Присвоено звание – лейтенант. С 1995-го по 1997-й – Чечня, работа в группе спецназа под командованием капитана Большакова. Сентябрь 1997-го – вместе с группой Большакова выведен из личного состава ЧГУ за нарушение воинского Устава. Официально – в розыске.

Особая характеристика: прыгучесть (в состоянии аффекта до трех метров снизу вверх, до десяти метров сверху вниз), реакция на выстрел (менее 0,02 с), уникальные акробатические способности, коэффициент экстрасенсорного восприятия опасности – 0,85.

Вон там, совсем близко дышит прохладой огромный и тихий Измайловский парк, как говорится, первый в Европе, второй в мире. Хороший парк, действительно, легкие мегаполиса. Но здесь, на продуктовом рынке в летний день шумно, жарко и суетно. И все тебя толкают,

и надо терпеть, потому что толкают беззлобно, вынужденно, вот только за карманами следить строго необходимо. Базар он и есть базар, как его не назови – раздолье для кидал и шипачей.

Игорь Пинягин по кличке Пиндрик никогда не любил рынков, ни скромных колхозных времен развитого социализма, ни сказочно красивых восточных с изобилием всяческой экзотики – в Баку, например, – ни безобразно переполненных народом барахолки типа знаменитого одесского Толчка, ни вот этого порождения нового времени – более или менее причесанных рядов из киосков или контейнеров – современных оптовых рынков, палочки-выручалочки для москвичей, да и жителей многих других крупных городов. На овощные базары Пинягин захаживал, конечно, но быстро, по-деловому, никогда не торговался, потому как не умел и не любил этого. А на оптовых рынках просто и не бывал раньше. Зачем, если денег на жизнь хватает?

Помнится, однажды, когда вернулись из очередной «цивилизованной» страны, Циркач грустно пошутил: «Вот у нас все пытаются создать рыночную экономику, а надо супермаркетную создавать, базарно-барахолочная у нас и так есть». Крошка как всегда за державу обиделся: «А, по-моему, как раз вся беда от этих гребаных супермаркетов. Терпеть не могу дурацкого засилья иностранщины. Такси в желтый цвет перекрасили, на аптеках зеленых крестов повешали – спрашивается: зачем? А надо не подражать им во всем, а свою, российскую экономику создавать». Крошка тоже был прав, но Игорь согласился про себя с Циркачом. Тот ведь не о словах говорил – о сути. Чистый, аккуратный магазин для любой страны лучше грязного базара. И опять же, ну не любил Игорь рынков. Ну, не любил.

Да вот случилась беда. После кризиса всероссийского грянул еще и кризис местного значения. Его совместное со Шкипером детективно-охранное агентство не то чтобы совсем развалилось, но скажем мягко, перестало приносить прибыль. «Агентство Пи-пи», как они называли его в шутку. Ведь у фамилии Шкипера были те же две буквы впереди – Пирогов он был, а Шкипер – это потому что на флоте служил. Ну и, короче говоря, Игорек Пинягин, не долго сомневаясь, вложил практически все оставшиеся деньги в некое дело, да не в то, как выяснилось, и к концу весны остался на бобах. Компаньон к тому времени пытался спасти общую фирму, отправившись в родную Тверь по хитрому заданию не слишком богатого, но вполне серьезного заказчика. А Пиндрик со своим уникально маленьким росточком (отсюда и кликуха) оказался не у дел. Вышибалой в ночной клуб его вряд ли взяли бы, а в профессиональном разведчике-диверсанта потребности как-то ни у кого не возникало. Не давать же в газете объявление типа: «Секретный агент примет заказ на террористический акт». Вот и решил Игорь набраться терпения и потихонечку, *экономно* – слово то какое! – тратить последние деньги. Ждать у моря погоды. Интуиция подсказывала: работа появляется тогда, когда ее перестаешь искать. Ну а маслице, сырок, банку шпрот и пачку чая следует все-таки пока приобретать по дешевле.

Вот только на этот раз не довелось ему приобрести ничего.

Толкали со всех сторон, но вдруг толкнули серьезно. Пиндрик сразу почувствовал твердую руку профессионала. Напрягся. Нырнул в сторону, уходя от возможного удара, и только потом оглянулся.

Взяв в живое кольцо двух человек, через толпу шли крепкие парни в камуфляжке. Парни как парни – с ними все понятно, Пинягин таких за свою жизнь навиделся. Как говорится, сам такой, а вот тех двоих в середине интересно было разглядеть повнимательнее. Кого это так серьезно охраняют? А главное – зачем понадобилось серьезно охраняемым людям влезать в самую гущу толпы на Измайловской оптовой ярмарке, да еще в середине дня в пятницу, когда вся Москва затаривается перед поездкой на дачу?

Интересные были персонажи – один пониже, с иссиня-черными волосами и смуглый, почти как негр. Такого только совсем безграмотные люди назовут «лицом кавказской национальности». Среди наемников Дудаева некоторые паки выглядели примерно так, вспомнил Пинягин. А впрочем, откуда здесь и сейчас пак, то бишь пакистанец? Скорей уж туркмен

какой-нибудь или вообще индус. А костюм на нем белый-белый – по контрасту. Второй мужчина – темный шатен с седеющими висками, высокий, крепкий, выправка военная, лицо простое, открытое и удивительно приятная улыбка. Одет скромно – брюки обычные и рубашка морского офицера без погон, но по всему видно: главный – он. «Из мэрии, что ли?» – мелькнуло у Пинягина какое-то нелепое предположение. А дальше никаких предположений уже не потребовалось, потому что на левом серебрящемся виске приятного высокопоставленного гостя засиял рубиновый зайчик лазерного прицела.

Теоретически Пинягин мог еще успеть выбить приговоренного к смерти человека с линии огня – однажды ему удалось такое. Но, во-первых, это была не его работа, а во-вторых, богатый жизненный опыт подсказывал: не зная броду – не суйся в воду. Всего одно резкое движение, и он бы точно увидел, какое именно оружие прячут под своей камуфляжкой brave охранники этого человека и насколько хорошо они умеют с этим оружием обращаться. В любом случае, у них инструкция: сначала стрелять, а думать – после. А вот что Пиндрик успел бы сделать – вопрос. Не исключено, просто переадресовал бы пулю от обреченной персоны случайному покупателю. В общем, хватило и ума, и выдержки – Игорь даже не шелохнулся. Но в следующую секунду увидел такое, что выдержка его кончилась.

От включения лазерного прицела до выстрела у нормального снайпера проходит две десятых секунды, ну, максимум, три. А чуточку больше, и ты проиграл – такую элементарную вещь знали и афганские моджахеды, засевшие в «зеленке» на окраине Герата (если верить рассказам старших товарищей, Филя, например), и каунасские «белые колготки» в горах под Урус-Мартаном (это уже личный опыт), и, конечно, элитные московские киллеры, работающие с дальней дистанции. Но сегодняшний наемный убийца, как видно, знал и что-то еще. Точнее умел. Этот пижон не просто превысил допустимую норму ожидания, он еще и фортель успел выкинуть – перед нажатием на спусковой крючок легонько повел стволом и быстро, но четко прочертил алым кружком горизонтальную восьмерку.

Высший пилотаж!

Такое доступно немногим. Например, знаменитый тяжелоатлет Давид Ригерт, поднимая рекордный вес, небрежно так подбрасывал штангу вверх, а великий бегун Валерий Борзов за десять метров до финиша оглядывался на проигравших, это при том, что у спринтера напрягается каждая мышца и все они устремлены только вперед – где там головой вертеть! Такое доступно единицам. На то они и олимпийские чемпионы.

А этот – кто такой?

Игорь воздержался от движений, но не крикнуть уже не мог. Судьба давала шанс, и он все-таки захотел спасти человека. Однако какая-то дрянь – тополиный пух, что ли? – влетела в горло на вдохе и крик не получился. В ту же секунду на месте ярко алого кружочка возник кружочек поменьше и потемней. Двое телохранителей сразу кинулись ловить падающее тело, и только один, очевидно, быстрее других сообразивший, что произошло, кинулся бежать в направлении выстрела, которое, в общем-то, не сложно было вычислить.

Свалка в проходе между рядами началась капитальная, а меж тем стремительно рванувшийся за убийцей телохранитель с потрясающим мастерством преодолевал ее: он не только не покалечил никого, но даже расталкивал людей бережно, если не сказать нежно. И в этой удивительной манере Пинягину тотчас же почудилось нечто до боли знакомое. Он машинально скользнул в образовавшийся коридор и побежал следом. А необычайно аккуратный профессионал в камуфляжке юркнул между рядами ларьков, в крайнем ряду взлетел на крышу какого-то легкомысленного тента (и как только этот каркас не сложился под тяжестью мощного тренированного тела?), ловко перемахнул через высокий забор из окантованной рабицы и, оказавшись на путях линии метро, быстро пересек их перед самым носом у проходящего поезда.

Пинягин сообразил, что ему не стоит повторять подобных трюков. Парень-то имел право, и даже на бегу отдавал в передатчик какие-то распоряжения – не иначе подмогу вызывал. Ну, а

он-то с какой радости на рожон полезет и будет к себе внимание привлекать? Однако очутиться там в момент задержания – а Игорь был абсолютно уверен что задержание состоится – казалось ему теперь совершенно необходимым. Он еще даже самому себе не мог объяснить, почему это так важно, но, не задумываясь, побежал к лестнице, ведущей в парк и на станцию метро «Измайловская». Пинягин знал, что успеет.

И увидел все, что ожидал увидеть.

Телохранитель стоял под высокой старой березой и крепко держал за правое запястье щуплого на вид, бледного паренька лет двадцати, а то и меньше. Паренек был напуган, морщился от боли в слегка вывернутой кисти и кажется уже никуда не спешил. А вот телохранитель... Да никакой это был не телохранитель – это был Борька Зисман, Циркач, собственной персоной.

Момент представлялся ответственным, и Игорь решил до поры не мешать старому другу. Они еще успеют поговорить, а пока лучше постоять в сторонке вместе с зеваками и послушать. Циркач в своем форменном прикиде вид имел вполне солидный, и любопытные граждане по большей части в его правах на насильственные действия не сомневались. Да и вообще люди теперь пугливые пошли, предпочитают ни во что не вмешиваться. Постоять, посмотреть – дело другое, и то издалека и с опаской. Но, конечно, в итоге нашлась сердобольная старушка, которой и терять нечего и умирать уже не страшно, а потому завела долгую песню о ментах-беспредельщиках. И где только слов таких нахваталась? Затем бабулька переключилась на все прочие безобразия, творящиеся в стране и, кажется, готова уже была приступить к дежурной критике президента и его семьи. Но тут вдохновленный ее поддержкой паренек вскинулся и спросил:

– А ты кто такой вообще, чтобы меня хватать?!

– Экологическая полиция! – рубанул Циркач, ни на секунду не замешкавшись. – Нельзя в Измайловском парке по деревьям лазить. Правил, что ли, не читал при входе?

Это был очевидный блеф: Циркач отродясь никаких правил на рекламных щитах не читал, да и сами правила соблюдал не особо, однако сейчас он явно о чем-то важном размышлял и просто тянул время.

Паренек взвился еще сильнее:

– Какие правила? Нет там ничего такого! Я альпинист. У меня тренировка.

– Альпинисты по горам лезят, – сообщил Циркач наставительно.

– А если нету гор?! – продолжал надрываться юный древесный скалолаз.

Все это начинало походить на сцену из пьесы про сумасшедший дом. Но тут Циркач внезапно приблизил правую плененную ладонь паренька к глазам, и брезгливо отбросив ее, точно змею, выдал еще более безумную реплику:

– Это ты стрелял.

Нет, он не спрашивал, он утверждал, только не ясно было, звучит в голосе злорадство (Попался, голубчик!) или все-таки досада (Такой молодой, а уже убийца!)

И Пинягин понял, что именно он там разглядел, на руке невзрачного юнца. У стрелков характерный мозоль бывает на указательном пальце. А в данном случае, наверно, еще и вмятинки от скобы на пальцах не рассосались. Он ведь там сколько лежал на своей березе, неотрывно сжимая винтовку? Уж час, как минимум.

В общем, парень тоже понял, что попался, он только хотел знать – кому конкретно попался, поэтому и выпалил свистящим шепотом:

– Документы покажи!

– Документы тебе в другом месте покажут. А меня так и запомнишь: экологическая полиция. Усек?

Тут подбежали еще трое в камуфляже и с ними двое в штатском. Эти, последние не побрезговали сверкнуть перед носом задержанного красными книжечками в развернутом виде, а затем, обменявшись с Циркачом не столько словами, сколько взглядами, попросили его

залезть на березу. Разумеется, среди веток, обнаружилось закрытое снизу листвой и тем более не видимое издали профессионально обустроенное гнездышко для смертоносной птички, и чемоданчик там лежал. Циркач, спустившись, хотел открыть его при всех, сам-то уж он наверняка заглянул внутрь, но старший из тех, что сверкали документами, в ужасе округлил глаза и быстро протянул руку к бесценному вещдоку.

– Только в машине, – проговорил он.

В этот момент Пиндрик сообразил, что Циркач может сейчас запросто уехать, так и не заметив друга среди зевак. Настало время подойти.

– Боря! – окликнул Пиндрик.

– Игорек! Какими судьбами? – и сразу, не дожидаясь ответа, по-деловому: – Не уходи. Ты можешь мне понадобиться.

А то он сам не понимает. Куда уж он теперь уйдет!

3

Из специального досье Четырнадцатого Главного Управления ФСБ (ЧГУ)

Зисман Борис Моисеевич, рост 182 см, вес 82 кг. Кличка – Циркач. 1969 г.р. Еврей. Коренной москвич. Холост. Отец – Моисей Израилевич Зисман, еврей, доктор физико-математических наук, мать – Аделаида Шаевна Эскина, еврейка, преподаватель музыки. Образование – цирковое училище (с седьмого класса), ГИТИС, актерский факультет, два курса (1986-1988), ВГИК, режиссерский факультет, два курса (1988-1990). Завербован во время учебы во ВГИКе. С 1991-го по 1994-й спецучилище ЧГУ. Присвоено звание – старший лейтенант. С 1995-го по 1997-й – Чечня, работа в группе спецназа под командованием капитана Большакова. Сентябрь 1997-го – вместе с группой Большакова выведен из личного состава ЧГУ за нарушение воинского Устава. Официально – в розыске.

***Особая характеристика:** фотографическая память, способность копировать голоса, сверхнормативная сексапильность и сексуальность, коэффициент экстрасенсорного восприятия опасности – 0,82.*

Машина оказалась солидная. Более чем – «Линкольн-Навигатор» последней модели, нагло покрашенный в небесно-синий цвет, про комплектацию и говорить не стоило, по отделке салона индивидуальное исполнение угадывалось на раз, так что с поправкой на все примочки такое чудо тянуло тысяч на сто пятьдесят.

«Эх, – подумал Пинягин, – если б деньги тратить не как попало, и я бы мог себе похожую тачку купить! А впрочем, оно мне надо? Светиться так! Ведь на „Навигаторах“ кто попало не ездит».

Стоявший здесь же и принадлежавший, похоже, директору рынка respectable темно-зеленый «Гран Чироки» с золоченым кенгурятником казался рядом с этой машиной этакой скромной пятидверной «Нивой».

«Да, Пиндрик, тебе о подобном тарантасе и мечтать не стоит», – завершил он свои печальные мысли и приготовился включиться в разговор. А разговор все никак не начинался. Возможно, бугор, сидевший за рулем, ждал какого-то звонка. А возможно, еще хитрее – защита от прослушки включалась только при полностью прогретом движке – бывают такие системы. Мотор-то работал абсолютно бесшумно, только по лампочкам на панели и можно было судить о том, что происходит внутри, да еще ручка передач еле заметно мелко вибрировала.

И вот правая задняя дверь открылась, и на место рядом с водительским плюхнулся странноватый растрепанный человечек, щуплый, маленького роста, неопределенного возраста от сорока пяти до шестидесяти (выбирайте на вкус) и с внешностью институтского профессора. Нет, на профессора он не тянул, максимум доцент и старший преподаватель: пиджачишко

какой-то неказистый, брюки мятые от другого костюма, рубашка расстегнута чуть ли не до пула и пыльные ботинки невнятного происхождения, зато в глазах откровенное интеллектуальное превосходство надо всеми вокруг и царственная небрежность в манерах: левой рукой он с юной лихостью отбросил со лба непокорные седые вихры, а правой полез в карман за платком и одновременно не таясь подтянул ремень подмышечной кобуры. Но даже вполне серьезный пистолет странным образом не разрушал образ мирного преподавателя. В любом случае, в этой машине, среди военных и работников спецслужб смотрелся седой доцент залетевшим по ошибке, словно пассажир из вагона или каюты принципиально другого класса. Однако тот, кто виделся самым большим начальником там, в парке, здесь занимал место простого водителя, а на вошедшего смотрел едва ли не подобострастно.

– Все в сборе? – поинтересовался «доцент».

– Будем считать, что да, Алексей Филиппович, – последовал несколько витиеватый ответ с заднего сидения.

– Тогда давайте начинать. Для начала познакомимся. Моя фамилия Мышкин, зовут Алексей Филиппович. И *теперь* в некотором смысле именно я руковожу всей этой лавочкой под названием... Впрочем, название ее вам пока ни к чему, Игорь. Да и не имеет оно никакого отношения к делу. Что там еще? Цели и задачи? Об этом как-нибудь на досуге, а точнее, я думаю, Борис не хуже меня расскажет. Вы не возражаете, Борис?

Циркач кивнул. И Пиндрик вдруг осознал, что все почтенное собрание в машине, а присутствовало семь человек – двое сидели сзади на откидных, – собралось в его честь, да еще сразу после убийства такого большого человека! Впрочем, уже через минуту Игорь понял, что это не совсем так. Все явно торопились, вот Мышкин и старался опускать ненужные подробности, дабы изложить главное, хотя манеры его были очень далеки от военной четкости и лаконичности, к которой привыкли в работе Пиндрик и Циркач.

– Так вот, Игорь, мы тут буквально на днях покалякали с вашим другом Борисом о некоторых задачах и пришли к выводу, что они могут оказаться под силу только вам, ну и другим, таким же, как вы. И не надо мне говорить, что таких больше не делают. Господин Зисман мне по секрету сообщил, что при необходимости разыщет минимум трех, а то и четырех человек с достаточным уровнем подготовки. А нам больше и не требуется. Однако, заметьте, нужен не просто спецназ, а спецназ, умеющий думать и не подчиненный ни одной из структур – теневого или официальных. Согласитесь, довольно экзотический набор параметров.

– Да, – вздохнул Циркач, – вымирающее племя «диких гусей».

– Не такое уж оно и вымирающее. Просто тамошние «гуси» только делают вид, что не подчиняются никаким хозяевам. На самом деле давно все куплены и заангажированы. Для Запада вообще характерен окончательно состоявшийся передел всех сфер влияния. А у нас кругом форменный бардак. Наши наемники готовы работать на всех одновременно и любые принципы легко меняют на дензнаки. Но вот беда: чем ниже их квалификация, тем больше жадности. Короче, обычных головорезов у нас навалом, как и всюду. Но мне сегодня необходимы *спецы* с соответствующей подготовкой.

– Соответствующей чему? – быстро спросил Игорь.

– Вы не торопитесь, молодой человек, все, что необходимо, я сам расскажу. Понимаете, ведь и мы до сих пор не спешили, все обдумывали, с чего лучше начать. Но после того, что они сделали сегодня... Они убили Лазаря. Ивана Лазаревича Аникеева.

Зачем он назвал погибшего полным именем? Ведь все кроме Игоря прекрасно знали, о ком и о чем идет речь. Опять ликбез для новенького? Или, возможно, это была своеобразная минута молчания, дань памяти, отошедшему в мир иной: нехорошо ведь это – вот так сразу и о делах.

Но ведь и по-другому нельзя – расслабишься на минутку, и всех перестреляют.

Так или иначе, возникла пауза, после которой Алексей Филиппович несколько непоследовательно продолжил свой монолог, словно потерял по дороге какое-то связующее звено:

– Вашу команду следует укомплектовать полностью уже сегодня. В сущности, если это будут люди, давно не видевшиеся между собой – оно даже к лучшему: мне не нужны замазанные в спецслужбах группы. Так вот, я могу вас выпустить из машины на минутку, вы там посоветуетесь, а потом сообщите мне, кого и где мы будем искать. Только телефонные аппараты, если имеете при себе, оставьте, пожалуйста, здесь.

Циркач положил трубку на сиденье, а Пиндрик честно признался:

– Нет у меня мобильного.

Обыскивать не стали. Доверяли? Да нет, такие доверять не могут. Видать, прозвонка была у них классная.

Отойдя на почтенное расстояние и остановившись у закрытого ларька, где не было ни одного человека в зоне прямой слышимости, Пиндрик зашипел:

– Ты чего творишь, Циркач? Крошка в курсе?

– Нет.

– С ума сошел?

– А дядя Воша?

– Этот, подозреваю, в курсе.

– Что значит «подозреваю»? И как это может быть: Крошка не в курсе, а дядя Воша...

– Да просто дядя Воша, как Господь Бог, всегда в курсе всего. Но я ему раньше времени докладывать не собираюсь. Вкальываешь, вкальываешь на благо любимой Родины, а гонорары уплывают. Тебе, я вижу, деньги стали вдруг не нужны?

Про деньги – это он ловко ввернул.

– А много предлагают?

– Больше, чем ты думаешь.

Пиндрик задумался.

– Ох, какая девочка! – выдохнул Циркач мечтательно.

Мимо них проходила высокая стройная блондинка с кукольным личиком, голливудским бюстом, прикрытым лишь тонкой короткой маечкой, и в таких облегающих лосинах, что через них отчетливо просматривались эротические ажурные трусики.

– Эй, – тихо позвал Пиндрик.

Но Циркач был уже не здесь. Он скользнул жадным взглядом от круглых коленок к восхитительно плоскому животу с аккуратным пупочком, потом дальше – по груди, шее, и, наконец, резко вскинув подбородок, словно полыхнул молнией – глаза в глаза. Девушка невольно остановилась. Неужели для того, чтоб, оскорбившись на раздевающий взгляд нахального незнакомца, дать ему резкую отповедь. Как бы не так! Пиндрик не впервые наблюдал подобные сцены с Циркачом. И этот раз не стал исключением.

Блондинка томно прищурилась и, высунув кончик языка, быстро облизнула губы. Циркач тихо застонал, схватился за голову и выдавил из себя:

– Не могу! Сейчас не могу...

Кому он это говорил? Пиндрику или девушке? Наверно, обоим.

– Эй, – еще раз позвал друга Пиндрик.

А девушка повела плечами, вздрогнула, точно проснувшись («Что это было?») и торопливо зашагала прочь.

– Обидно, – сказал Циркач. – Всегда эта срочная работа, когда не надо! Мы о чем с тобой говорили?

– О больших деньгах, – напомнил Пиндрик. – Но я бы хотел понять, кто их платит.

– Да я клянусь тебе, что это не бандиты. С ними обязательно надо работать, – уговаривал Циркач.

– И все-таки дяде Воше мы должны сообщить. У тебя чего, «Пионерская зорька» в жопе заиграла? Мы уж который год на контору ищачим? Нас там кидали всерьез? Ни разу. А эти кинут при первой же возможности. Чует мое сердце. Подстраховаться надо. Уж больно они, собаки... – он поискал слово, – интеллигентные!

Циркач поглядел на Пиндрика чуть ли не с восхищением: умнеет парень с годами. Потом буркнул.

– Да успокойся ты! На самом деле я все продумал. Просто не хотел говорить раньше времени. С Крошкой встречаться поеду я. Вот оттуда все и передадим.

– Так не один же поедешь, – усомнился Пиндрик. – Сумеете обставить передачу незаметно?

– Сумеем. Ну, все, алес. Пошли к ним, не стоит больше напрягать людей. Да, кстати, координаты Шкипера и Филадельфии вспомнишь?

– Должен вспомнить.

– Ну и порядок. А о том, что мы кому-то подчиненная группа...

– Циркач, я ведь только на вид маленький. А с головой у меня все в порядке. Ты забыл, что ли?

Дверца была приоткрыта, их ждали.

– Кому звоним? – по-деловому осведомился Мышкин.

– Ну, – замаялся Пинягин, – Шкипера, то есть Володьку Пирогова, надо искать через МВД.

– Город, часть? – быстро спросил Мышкин.

– Тверь, ОМОН.

– Достаточно. Сидоров, звоните!

Однако! Недооценил Пиндрик лаконичности и деловитости «доцента» Мышкина.

– Стойте! – спохватился Игорь. – Этого недостаточно. У него же там совсем другая фамилия: Рыжов. Рыжов... сейчас, погодите, Федор... Степанович... Да, точно, Степанович.

– Звоните, Сидоров, звоните.

– Ну, а у Филадельфии есть Петра Головленки, я думаю, мобильник должен быть всегда под рукой, куда бы его не занесло, вообще-то он в Киеве сейчас обитает, а от Киева ехать...

– Лететь, – поправил Мышкин. – Номер давайте.

– Но говорить-то все равно буду я.

– Конечно, конечно. Или Борис. Дальше.

– Вот с Крошкой, с Андрюхой Большаковым, хуже всего, – вступил Циркач. – Я вам как-то рассказывал. Помните? Он в глухой деревне живет, там не то что телефона нет, там почту не каждую неделю приносят.

– Но он *точно* там?

– Точно, – сказал Борис, – если б уехал, обязательно через Москву. А как тогда с друзьями не повидаться?

– Хорошо. Деревню можете показать на карте?

– На карте Московской области? – глупо переспросил Пиндрик.

– Лучше, конечно, на карте Антарктиды, – не удержался Мышкин от язвительного замечания, даже о спешке позабыл.

А один из сидящих сзади уже передавал Пиндрику раскрытый ноутбук, в маленьком окошке, в углу экрана светилась надпись: «Идет загрузка». И дальше какие-то цифры.

– С электронной картой работать умеете? – строго поинтересовался Мышкин.

– Да уж! Не боги горшки обжигают, – ухмыльнулся Игорь.

И действительно он довольно быстро нашел на топографической карте бывшего Советского Союза крошечную деревушку Бадягино Волоколамского района, в которой и был-то всего один раз в жизни.

– Не такая уж и глушь, – заметил Мышкин. – И все-таки, Панкратов, пусть готовят вертушку, нечего там по проселкам на машинах шкондыбать. Лететь-то придется вам, Борис. Боюсь, мои ребята вашего друга не уговорят.

– Понятное дело, – согласился Игорь.

Однако дальше всех оказался Фил, он же Петя Головленко. То есть его совсем нигде не оказалось. Мобильник не отвечал. Однако номер Фила по-прежнему существовал и зарегистрирован был на то же имя, больше того, аппарат был включен, вот только абонент не брал трубку. Это могло означать что угодно, но мысли полезли в голову самые мрачные. Петя не расставался с мобильником даже в ванной, а на ночь или просто, если хотел отдохнуть, обязательно отключал его, но никогда не прятал под подушкой. Конечно, бывают ситуации нетипичные, но все же...

Они перезвонили еще раз через пятнадцать минут. Эффект получился прежним. При чем, ни Циркач, ни Пиндрик не знали названия и адреса фирмы, где работал Фил, а квартиры Петя любил менять часто, никто из друзей не удивился бы, даже узнав, что он живет в отеле, тем более, если в пятизвездочном. В общем, кроме мобильного – ни одной зацепки. А мобильник молчал.

И еще через пятнадцать минут, уже в дороге, Мышкин предположил:

– А может, у него по той или иной причине сигнал слишком тихий? У нас есть возможность сделать звук несколько громче.

– То есть? – не понял Борис.

– Питающий импульс. Слышали про такой? Остронаправленный луч с высокой когерентностью и повышенной мощностью.

А Пинягин вспомнил про питающий импульс. Однажды в Боснии они пытались вытащить раненого радиста и на полностью обесточенную аппаратуру подали со спутника этот самый проклятый сигнал какой-то невиданной энергоемкости. Рация включилась, и поговорить сумели, но руки парню сожгли напрочь, ампутировать пришлось до локтя обе. Да и лицо только чудом уцелело.

– Э, да ведь этим вашим лучом можно человека спалить заживо, как боевым лазером. Может, не стоит? – закончил он робким вопросом.

Мышкин посмотрел на Игоря заинтересованно – оценил эрудицию, – но тут же и пояснил:

– Вы, дорогой друг, о чем? Допотопные разработки вспоминаете? А у нас новая система. Абсолютно безопасная. С ней не только ожогов, но даже лишних миллирентген не нахватаетесь.

– Правда? Но ведь это же наверно, страшно дорого! – пробормотал Пиндрик какую-то явную глупость.

Мышкин посмотрел на него с сочувствием и даже не стал комментировать эту эмоциональную фразу. Потом еще раз набрал номер Головленки и распорядился:

– Сидоров! Организуйте звонок через орбиту.

4

Из специального досье Четырнадцатого Главного Управления ФСБ (ЧГУ)

Головленко Петр Дмитриевич, рост 185 см, вес 90 кг, украинец, кличка – Фил, 1963 года рождения, разведен, детей нет. Вырос без родителей (отец и мать погибли в автокатастрофе в 1965-м году), у тетки Страшук Оксаны Витальевны, украинки, начальницы цеха на швейной фабрике в Киеве. Закончил среднюю школу в Киеве, 1-й медицинский институт в Москве. Завербован в Афганистане в 1986-м году, куда ушел добровольцем в звании лейтенанта медицинской службы. В 1988-м проходил спецподготовку в Никарагуа. С 1991-го по 1994-й – спецучилище ЧГУ. Присвоено звание – капитан. С 1995-го по 1997-й – Чечня, работа в группе спецназа

под командованием капитана Большакова. Сентябрь 1997-го – вместе с группой Большакова выведен из личного состава ЧГУ за нарушение воинского Устава. Официально – в розыске.

Особая характеристика: *способность к языкам, аналитические способности, умение зализывать раны мануально, без препаратов и технических приспособлений, коэффициент экстрасенсорного восприятия опасности – 0,88.*

Петр Головленко любил заплывать далеко в море, так чтобы берег уже подернулся дымкой, лечь на волны и тихо покачиваться, ощущая под собой эту гигантскую многотонную подушку из соленой воды. В такие минуты хорошо думалось. На Черном море, особенно в советское время, его, бывало, подбирали патрульные катера, и даже пытались штрафовать за нарушение каких-то пунктов кем-то придуманных правил, а здесь, на Средиземном, никто не мешал – плыви хоть до Африки. Турки оказались безумно строгими к водителям на дорогах – у них за рулем не только по телефону говорить нельзя, даже за сигарету штрафуют, а уж повороты, светофоры, знаки с турецкими надписями (как вам, например, «dur» вместо «stop»?) – это вообще атас! И особенно парковка: где бы и как бы вы не встали, обязательно обдерут как липку. Если успеют. В общем, по Турции на автомобиле ездить не надо, по Турции надо плавать. В море у них все на благо человека.

Но сейчас Петр качался на волнах в полукилометре от берега, и на плавное течение этих неспешных мыслей накладывалось тревожное впечатление от последнего разговора с Эдиком.

Эдик, отдохнувший вместе с ним в одном клубном отеле, когда-то был челноком. Он, собственно, стоял у истоков челночного бизнеса и упорно ездил по разным странам, лично контролируя закупки вплоть до девяносто седьмого года, хотя уже к девяносто пятому владел сетью магазинов в родном Владимире, и вполне мог бы вместо себя посылать других. Но привычка – вторая натура, без загранпоездки Эдик себя не мыслил, а просто жариться на берегу и отмывать в соленой воде было ему предельно скучно. Вот и ездил вместе с простыми «коробейниками» за шмотками и прочим барахлом, пока это имело смысл. Теперь смысл исчез напрочь. Но даже здесь, отдыхая в Кемере, в сорокаградусную жару он через день мотался на такси в Анталию и заключал там какие-то сделки – оптовики, турфирмы, банки. А прямо в отеле, ухитрился познакомиться с немецким финансистом из Франкфурта-на-Майне и с восторгом рассказывал о возможных грядущих инвестициях. Жизнь у Эдика кипела не переставая. Но не все было так радужно. Разоткровенничавшись накануне вечером за стаканом почему-то полюбившегося ему местного дешевого вина «Вилла Долюча», Эдик вдруг поведал Петру страшные вещи.

То, что челночный бизнес почти умер – это ни для кого не секрет: кризис, дефолт, четырехкратный рост доллара, обнищание народа... Однако помимо объективных причин, существовали еще и субъективные, и Эдик знал, о чем говорил. Отдельные весьма могущественные структуры целенаправленно давили челноков, причем начали это еще задолго до кризиса. По Эдику выходило примерно следующее: есть некое теневое министерство торговли, а над ним (рядом с ним?) теневая налоговая полиция. И две эти мафии, как водится, не поделили бабки. Или, говоря языком интеллигентным, не договорились о единой экономической концепции. Они и не могли договориться – уж слишком разные взгляды на все у торговли и налоговых органов. Впрочем, Эдик-то как раз и придумал, как их помирить. Ведь это стало жизненно необходимым. Страдает-то кто? Сначала народ, то бишь, покупатели. Потом – челноки, то есть мелкие торговцы – зачатки среднего класса. А теперь и такие, как Эдик, начинают ощущать неуют – то есть теперь оказывается под прицелом уже натуральный средний класс. Он так и сказал: под прицелом. Потому что готовится масштабный наезд на всю торговлю в России.

– То есть как это? – обалдел Фил.

– А вот так. Приезжай ко мне, мотанемся по губернии на моем джипе, по городу побродим, и я тебе там в деталях, в подробностях, с наглядными примерами все покажу.

Короче, ясно: разговоры о народе и среднем классе – это была лирика. А по существу дела, Эдику требовалась серьезная защита. Он уже давно догадался, кем работает Петр, а теперь, уточнив некоторые факты его биографии, прямо предложил переезжать во Владимир и за очень приличные деньги возглавить службу безопасности в его торгово-финансовой ассоциации.

Головленко крепко задумался. Эдик ничего толком не рассказал, ни на каких подробностях не останавливался, но в глазах бизнесмена прочитывался страх, и этого было вполне достаточно, чтобы понять: речь идет не о новой работе, речь скорее всего идет о боевой операции, а для такого серьезного решения ему обязательно нужны остальные четверо – посоветоваться.

Уже в двух метрах от полосы прибой песок был настолько горяч, что, наступив на него в задумчивости, Петр был вынужден вернуться за вьетнамками. Пляж опустел – начиналось время обеда. На самом деле это называется сиестой. Только русские могут посреди дня в такую жару еще что-то лопать. Нормальные жители южных стран предпочитают ложиться спать. Но пляж-то все равно пустеет. На море стоял полный штиль, было тихо-тихо, и в этой невозможной тишине, он слышал странный звук. Телефон. Сигналил его мобильник, положенный в сумку. Чего ж в этом странного? Подошел, достал трубку. Э, да тут разве только глухой не поймет в чем странность! Трубка орала как резаная. Кто же ему громкость подрегулировал? Или аккумулятор садится и напоследок агонизирует? «Ох, не к добру это, ребята, ох, не к добру!» – подумал Петр и, нажав зеленую кнопку, поднес мобильник к уху.

5

Из специального досье Четырнадцатого Главного Управления ФСБ (ЧГУ)

Пирогов Владимир Артемьевич, 1970 г.р., русский, кличка – Шкипер. Холост. Из семьи рабочих, мать – Пирогова Вера Дмитриевна, русская, отец, Пирогов Артемий Леонидович, русский. По окончании средней школы в городе Твери, авторемонтное ПТУ там же, срочная служба с 1988-го по 1991-й на Северном флоте. Завербован в 1989-м. С 1991-го по 1994-й – спецучилище ЧГУ. Присвоено звание – лейтенант. С 1995-го по 1997-й – Чечня. Работа в группе спецназа под командованием капитана Большакова. Сентябрь 1997-го – вместе с группой Большакова выведен из личного состава ЧГУ за нарушение воинского Устава. Официально – в розыске.

Особая характеристика: уникальная способность к управлению любой техникой и ремонту любых механизмов (управление вертолетом – за одну неделю в совершенстве), коэффициент экстрасенсорного восприятия опасности – 0,81.

Шкипера доставили уже через два часа. Едва ли не раньше, чем улетел в Бадягино Борис, они разминутись минут на десять. Пинягин и Пирогов сидели теперь в шикарном офисе, располагавшемся в районе Арбата, в тихом кривом переулочке, название которого вылетело из головы тут же: никто ведь ничего не скрывает, на зрительную память ни один из них пока не жалуется – к чему перегружать мозги? Игорю, как и Борису, нравилась такая ситуация, и нравилось, что все здесь было по высшему разряду, но без лишней помпезности: много современной техники, скромная на вид, но очень удобная мебель – и никаких огромных хрустальных люстр, резного красного дерева и всяких золотых побрякушек. Контора, занимавшая маленький двухэтажный особнячок, оказалась не столько роскошной, сколько по-домашнему уютной.

А вывеска на ней нашлепана была какая-то длинная и пустозвонная: «СФЕРА. Муниципальный центр информационных технологий и спецресурсов». Правильно сказал Мышкин – не в названии суть. А в чем именно, никто объяснять не торопился. И это странным, можно ска-

зять, настораживающим образом напоминало манеру поведения функционеров родного ЧГУ – самой секретной из спецслужб России.

Так называемое Четырнадцатое управление являлось загадкой даже для самих его сотрудников. Младшие офицеры в конторе поговаривали, что ЧГУ директору ФСБ вовсе и не подчиняется, только напрямую Кремлю. Старшие офицеры намекали, что и весь Кремль по струнке ходит, если начальник ЧГУ генерал-полковник Форманов на них рявкнет. О чем судачили между собой генералы ЧГУ, и подумать страшно было. Так кто они, эти генералы? Кем избраны и назначены? И кто такой Алексей Михайлович Форманов, если он действительно может президентов России менять, как перчатки? «Кто? Да просто умный мужик», – объяснял, как правило, Крошка (самый приближенный из них пятерых к дяде Воше, то есть к Владимиру Геннадиевичу Кулакову, начальнику особого отдела ЧГУ и одному из замов главного). «У нас же все дураки, – продолжал свою мысль Крошка то ли в шутку, то ли всерьез. – Один умный нашелся, вот и крутит всеми». А Циркач, большой любитель фантастики, высказывал другую гипотезу: наш дорогой товарищ Форманов – инопланетянин из высшей расы. Они за нами наблюдают, контролируют, чтобы чего не натворили – вот и вся петрушка.

Но, так или иначе, они работали на эту лавочку, не слишком задумываясь, что она собою представляет: часть ФСБ, нечто над ФСБ или нечто в стороне от ФСБ. Ребятам было важно, что это серьезная организация отстаивает интересы России. А представление об этих самых интересах у них и у руководства ЧГУ трогательно совпадало. Вот почему теперь всем троим и было так странно обнаружить сходство между родной конторой и какой-то подпольной полукриминальной структурой. Ну, ладно, Циркач сказал: не бандиты. Допустим. Но если не криминал, если верить Циркачу, то как это понимать? Разве может в одной стране существовать одновременно два ЧГУ? Или в такой стране, как Россия, их может быть хоть восемь – конкурирующих друг с другом или не догадывающихся друг о друге вовсе?

Борис знал ответы как минимум на половину самых главных вопросов, возникших у Игоря, но перед отъездом на аэродром успел только заверить еще раз, что люди Аникеева – не уголовщина и не шпионы. Так кто же они? В двух словах не расскажешь, а в трех – некогда, но помогать им надо, и непосредственно сегодня. Вот такой, примерно, вышел разговор.

И еще успели они обсудить с Циркачом национальный вопрос. Пиндрик зацепился за отчество Лазаревич и с традиционной подколкой заподозрил, что Аникеев был наполовину еврей. То бишь «Аникеев, как говорится, по матери». Оказалось, не прав он. Лазарь – обычное библейское имя. И раньше в русских деревнях полно встречалось Лазарей. Это сейчас как-то немодно стало. А отец у Аникеева вообще вор в законе. Его еще в двадцать девять короновали, а в сорок три года на Свердловской зоне порезали какие-то дикие беспредельщики – пять ударов заточкой. Кто бы еще подумал, что такое бывает не насмерть! Час провалялся человек в луже крови, и потом двое суток в больничке – в сознание не приходил. А лепила местный, понятное дело, тоже был не академик Чазов, но мужика с того света вынул. Зеки после шутили: имя такое – Лазарь. Вот и воскрес. До восьмидесяти в итоге прожил. Короче, папаша в рубашке родился. У него, кстати, кликуха с именем совпадала – редкий случай для воров, но уж больно имя приметное. Вот и сын Лазаря унаследовал кличку от отца. Прямо как Максим Горький. Поначалу величали Лазарем-младшим, а потом с годами и со смертью Лазаря-старшего пристав очка эта как-то сама собою отпала. Тем более, что Иван уже совсем в других кругах вращался. Связями отца он воспользовался, конечно, но сам воров не стал, занявшись торговлей всерьез, по-крупному, старался работать чисто, и как это ни странно, до какого-то момента удавалось. Иван себя тоже везунчиком считал, мол, яблочко от яблоньки... Не боялся человек ни ножа, ни пули, и долго тянулась у него эта пруха. Да только после точного попадания в висок, поди, и сам Иисус Христос не воскреснет.

Пиндрик поморщился слегка от Борькиного богохульства, но по сути не согласиться не мог.

– Так что Аникеев был русским, – завершил свой рассказ Циркач. – Всем русским русский. Понимаешь, всяких козлов националистов, всю эту фашистскую сволочь, размахивающую без разбору двуглавым орлом, серпом и молотом, свастиками, крестами – всех этих уродов Лазарь готов был собственными руками давить. Потому что главной своей миссией считал объединение самых разных национальностей в общем благородном деле. В этом, кстати, и заключалось всегда историческое предназначение русского народа.

– Ну, ты сказанул! – не удержался Пиндрик. – Я прямо школу вспомнил. Наша историчка за такой ответ пятерку бы поставила.

– Ладно тебе, перестань, это Аникеев говорил. Да ты и сам прикинь, ведь только говоря по-русски, азербайджанец, скажем, может договориться с армянином, а чечен с ингушом. Ты вспомни Самашки, Игорь, наши их напалмом поливали, а эти чечены все равно ингушей ненавидели сильнее, чем русских... Да, брат, Советского Союза нет давно, но про объединяющую роль русского народа и русского языка мы зря забываем. Это я тебе точно говорю.

Вот такой разговор получился. Когда времени нет абсолютно, все на ушах стоят и хочется за несколько секунд понять самое главное, Борька иной раз умничать начинает.

А впрочем, может, это и было самое главное?

На кого они только не работали все эти годы, на чьей только стороне не воевали! Бывало, что и просто за деньги – за чьи-то огромные, и за свои, которые считали достойной платой за труд и риск...

А бывает ли достойная плата за гибель друзей?

Здесь же, по крайней мере, не о деньгах начинали говорить в первую очередь.

– Мне нравится эта контора, – признался вдруг Пиндрик Шкиперу.

– Мне тоже, – сказал Володька. – Вот это, брат, и настораживает по-настоящему.

Конечно, Шкипер был прав. Решено – сделано. Они возьмутся за эту работу, но они ни в коем случае не должны забывать: их только пятеро. Все остальные – враги. Все.

По крайней мере, могут оказаться врагами.

Циркач и Крошка прилетели поздно вечером: деревня есть деревня. Андрюху там, оказывается, по лесам и полям искали. А вот Фил из своей загранички появился на Арбате существенно раньше. Ну, еще бы! Пиндрик и Шкипер своими ушами слышали, как Алексей Филиппович выяснял, какой ближайший к Анталье военный аэродром. Оказалось, это какая-то авиабаза НАТО с труднопроизносимым турецким названием. Звоня в Вашингтон, Мышкин беседовал по-английски, а с Брюсселем говорил уже по-французски. (Профессор не профессор, а полиглот, ядрена вошь!) В общем, пока Фил ехал на такси до этой самой авиабазы, договаривающимся сторонам уже удалось найти консенсус, и натовские генералы дали коридор на Москву. Вот только садиться пришлось почему-то в Мигалово под Тверью, ближе не получилось, но и тут беды никакой – с того же аэродрома вылетел скоростной вертолет и доставил Петю Головленко почти в центр Москвы, на Ходынское поле, то есть туда же, куда чуть позже привезли и Циркача с Крошкой.

– Да, ребята, такого уважения к нашим скромным персонам я, пожалуй, и не припомню, – резюмировал Большаков, когда они, наконец, собрались все вместе и обменялись предельно краткими рассказами о своих романтических путешествиях.

Шкипера направили в Москву по личному распоряжению командующего округом(!).

Крошке, который как бы случайно, посоветовавшись лишь с Циркачом, вызвался быть старшим в группе, вручили вполне натуральную бумагу на кремлевском бланке за подписью одного из замов руководителя администрации президента, из которой, коротко говоря, следовало, что подателю сего любые государственные структуры обязаны, как минимум, не мешать ни в чем.

Фила вообще доставили к родным берегам в качестве персоны международного значения.

- Дело пахнет керосином, – резюмировал Крошка.
- Или просто большими деньгами, – вставил Шкипер, чтобы свести все к шутке.
- А ни одно серьезное дело и не может пахнуть ничем другим, – философски подытожил

Циркач.

Но Крошка шуток не принимал. Он думал о чем-то своем и вдруг проговорил мечтательно:

- А мой дядя Воша, между прочим, сейчас в Испании.

И покосился на Циркача. Мол, неужели в этом офисе еще и открытым текстом разговаривать можно?

Циркач не прореагировал: видать, как и все другие, не знал наверняка, слушают их здесь или нет.

Кличка «дядя Воша» была, конечно, не лучшей для конспиративного разговора – уж слишком оригинальное имечко образовал в свое время Фил от полного варианта Владимир. Как большой любитель лингвистики, он уверял, что все русские имена имеют уменьшительные формы с окончанием на «ша»: Маша, Леша, Даша, Гоша, и так далее, включая Ванюшу и Николашу, а вот Владяши почему-то нет, ну он и решил исправить ситуацию, придумав нечто странное, но лаконичное – Воша. Ассоциация с мерзким насекомым почему-то никому не мешала. Прозвище, особенно в комплекте с «дядей», понравилось всем, включая самого Владимира Геннадиевича, и прижилось.

В общем, о чем подумали предполагаемые враги, неизвестно, а Циркач и остальные Крошку поняли хорошо. Циркач особенно.

Ведь у себя-то в Бадягине Андрей нашел возможность перекинуться парой слов с Борисом. Да и тот оказался совсем не прост. Всю имевшуюся у него информацию о фирме Анисеева, заранее сбросил на дискету в зашифрованном виде. Давно готовился к этой вербовке друзей. И там, в деревенском доме сумел быстро и незаметно передать плоскую коробочку Сергею, ну а Крошка придумал повод, чтобы зайти в гончарку, где в свободное время лепил свои горшки. Сказал, мол, надо проверить, не вырубилась ли пожарная сигнализация – сами знаете, какие скачки напряжения бывают в таком захолустье, ну и открыл там быстренько одну совсем небольшую дверцу. Момент улучил идеальный – двое сопровождавших его людей Мышкина, как раз глазели на роскошно оборудованную мастерскую, вертели головами, как туристы в музее, в это мгновение дискета и перекочевала в тайник. А когда дверца специального тайника открывается, вспыхивает лампочка тревожного сигнала и зуммер гудит не где-нибудь, а прямо в кабинете начальника особого отдела ЧГУ генерал-майора Кулакова. И если в течение пяти минут Крошка не дает отбоя по телефону, в Бадягино выезжает машина, а иногда – при более серьезных опасениях – и вертолет высыпают. Причем Кулаков имел обыкновение приезжать лично, и в те времена, когда еще был полковником, и теперь, когда стал генералом. Вот только вряд ли он из Испании так быстро примчится, а значит, поедет дежурный офицер. Это-то и тревожило Крошку сильнее всего. Циркач его пытался успокоить – в основном одними глазами, а на словах сказал:

- Андрюха, все будет хорошо!

Абсолютно нейтральная фраза. О чем тут могут догадаться враги? Но ведь и Крошке такой фразы было недостаточно. Он попал в весьма непривычную для себя ситуацию: выдержали на работу, но ровным счетом ничего не объясняют. Тревожно! То есть просто опасно. Вот он и пытался транслировать свою тревогу всем остальным.

И тогда Циркач, наконец, решил, что настал подходящий момент для некоторого общего ликбеза.

- Давайте я расскажу вам вкратце про эту лавочку, пока время есть.

Однако времени как раз и не оказалось.

Решительной походкой вошел солидный, строгий и по-военному подтянутый сотрудник Мышкина и предложил немедленно спуститься в подвал для экипировки и более детального инструктажа.

– У вас до вылета на объект чуть больше часа, – подытожил он.

Ничего себе! Такое с ними происходило впервые: через час приступить к операции, а им еще задачу не поставили и даже о деньгах разговора не начинали. Это было настолько лихо, настолько не похоже на обычные серьезные дела, что... им всем дружно захотелось сыграть именно в такую игру.

– Погодите, ребята, а сколько сейчас натикало? – вдруг вскинулся Фил.

Слова вошедшего о времени вызвали у него какие-то свои ассоциации. Петя, как видно, полагал, что все еще продолжает купаться в море, вот и ходил без часов. В действительности свою любимую «Омегу» он впопыхах оставил на дне сумки, а в дороге хронометр не понадобился, чай, на мобильнике тоже время посмотреть можно.

– Четыре минуты первого, – сказал Андрей.

– Я обещал сразу после полуночи Эдику позвонить, – проговорил Головленко, беседуя по существу сам с собою, ведь он еще никому ничего не рассказывал о своем новом знакомом.

– Звони, – не возражал Крошка. – Мы подождем.

Сотрудник Мышкина скромно присоединился к этому ожиданию, и Крошка остался доволен, он не привык, чтобы им крутили, тем более малознакомые люди, предпочитал всегда лично контролировать ситуацию.

– Я недолго, – извинялся Фил непонятно перед кем, – но я действительно обещал, это важно...

Он уже набирал номер.

Разговор получился и впрямь недолгим. Даже чересчур. Трубку взяла жена Эдика. Она почти ничего не говорила – только плакала. А Петя и без слов все понял. Мелкая холодная дрожь гадкого предчувствия охватила его. Наконец, женщина там, в далеком отеле, справилась с собою и все-таки сумела выдать с усилием две отрывистых фразы:

– Эдика застрелили. Два часа назад.

6

Шифртелеграмма

Особая, вне очереди

Начальнику ЧГУ Форманову

Согласно нашим оперативным данным выстрел в Ивана Аникеева в Измайлове является не следствием обычной бандитской разборки, а заказным убийством, проплаченным из-за рубежа. Есть основания предполагать, что те же заказчики финансировали и убийство Эдуарда Свирского (г. Владимир), застреленного в Кемере (Анталья, Турция) в тот же день. Прошу вашего разрешения привлечь к работе над этим заданием известную вам группу. Проблема более чем серьезна. Вылетаю в Москву спецрейсом.

Начальник оперативного управления ЧГУ Кулаков

Коста-Брава, Испания

«Сегодня ночью в центре Стамбула прогремел взрыв. Сработало самодельное безоболочковое устройство, оставленное террористом в пластиковом контейнере для мусора – стандартная схема действий. Благодаря тому, что в столь поздний час (около полуночи) людей на улице было уже немного, жертв нет. Пятеро госпитализированы с ранениями различной степени тяжести, и по приблизительным данным пострадало еще девять человек – посетителей расположенного рядом уличного кафе „Саратога“. Мощностъ взрыва оценивается специалистами в 120-150 граммов тротилового эквивалента. Ответственность за эту бесче-

ловечную акцию взяла на себя Курдская рабочая партия. Звонок, начавшийся и закончившийся выкриками „Свободу Абдулле Аджалану!“ раздался в полиции уже через пятнадцать минут после теракта.»

(Сообщение агентства «Интерфакс»)

Шифртелеграмма

Особая, вне очереди

Стамбул, Резиденту СВР

Полиция Стамбула сумела зафиксировать городской номер, с которого звонил представитель КРП, взявшей на себя ответственность за взрыв возле кафе «Саратога». Именно по этому номеру за несколько минут до своей гибели и за полчаса до взрыва звонил Свирский Эдуард Львович.

Назым

Шифртелеграмма

Особая, вне очереди

Руководству СВР, руководству ФСБ

Пересылаю вам самую свежую информацию своего агента в Анталье. С целью предотвращения возможных новых терактов срочно проверьте все возможные контакты Свирского Э.Л. с КРП и другими, в первую очередь турецкими экстремистскими организациями.

Резидент, Стамбул

– Эдика Свирского застрелили, – сказал Фил громко, так чтобы слышали все.

И если учесть, что, кроме него, никто из ребят, этого человека не знал, вряд ли подобную реплику можно было считать случайным эмоциональным всплеском. Фраза была явно рассчитана на здешнего сотрудника. И Фил не ошибся.

– Что вы сказали? – вскинулся строгий и подтянутый порученец, не сдержавший своих чувств.

– Вы не ослышались, – сказал Фил. – Я был знаком с Эдуардом Свирским из Владимира и сейчас звонил в Анталю именно ему.

Порученец мгновенно взял себя в руки, дважды вдавил одну-единственную кнопку на мобильнике и тихо проговорил:

– Срочно сообщите Князю: убили Ёжика.

«И почему это надо было говорить при них? – думал Крошка, быстро перебирая в памяти все странности последних часов. – Зачем? Чтобы они теперь знали, что Свирский тоже был человеком Аникеева, что звали его при жизни этой смешной кличкой Ёжик, наконец, что Князь – это, по всей видимости, сам Мышкин? Ну, кто же дает такие примитивные прозвища? Достоевского, чай, в школе проходят. Или „Идиота“ не проходят? Да, и вот еще: была ли это случайность – знакомство Фила со Свирским? Для Фила – разумеется, да. А для Мышкина? Не многовато ли случайностей? Циркач работает на Аникеева. Пиндрик попадает на рынок в момент его убийства. А Фил договаривается о звонке Свирскому за несколько часов до смерти последнего. Впору поинтересоваться, кто работает на Мышкина в Твери. Уж не начальник ли тамошнего ОМОНа? И, наконец, родное Бадягино...»

Все эти мысли, похожие на бред, прокручивались в голове у Крошки с пулеметной скоростью, а были и еще какие-то – совсем лишние. Он, правда, знал по опыту, что их не следует брезгливо отбрасывать в сторону. Все, приходящее в голову по ходу работы, – для чего-то нужно. Так уж устроена его весьма неординарная голова.

«Странно, – думал он, – почему зачастую самые смешные и дурацкие прозвища оказываются самыми устойчивыми по жизни. Ну, то что он при росте под два метра и с косой саженью в плечах именуется Крошкой – это не слишком оригинально, а вот Фил вовсе не был известен в других местах как Филипп. Просто со школьных лет увлекался „Битлс“, повсюду напевал их

песни. Одной из любимых была знаменитая „If I feel“ (Если я почувствую) Леннона. И еще на первом курсе кто-то сказал ему: „Что ты там бормочешь? Если я Фил? Конечно ты Фил, самый натуральный...“ С тех пор и пошло. Я тоже очень люблю „Битлов“ и часто их музыка, строчки их песен помогают мне, подсказывают что-то... Какая же разгадка скрывается сегодня во фразе „Если я почувствую“?...

Ответа пока не было, зато он все отчетливее понимал, что Циркач не успеет сообщить им уже ничего. После второго убийства начнется чехарда в ускоренном темпе, и надо будет только успевать поворачиваться. Почему же он решил, что все-таки стоит поворачиваться по их приказам, а не отворачиваться от этих странных людей? Ведь не потому же, что всю дорогу в вертолете – а какое там, к черту, общение через шлемофоны! – Циркач агитировал его «за советскую власть», то есть за немедленное спасение всей российской экономики путем спасения финансовой империи господина Аникеева? И не потому, в конце концов, что об оплате говорили, не называя сумм, а это, как правило, означало очень большие деньги. И даже не потому, что у этих чудаковатых людей, работающих не по канонам спецслужб, а скорее по канонам хорошо отлаженного механизма совкового министерства, такие огромные возможности на самом вершине и даже в международных организациях – этим сейчас никого не удивишь. Те же наркодельцы – при их-то деньгах! – иногда бывают и с президентами и с премьерами «вась-вась».

Нет, что-то другое подкупало его в фирме Аникеева-Мышкина, какая-то бесшабашность и романтизм, отсутствие цинизма, что ли, неотъемлемо присущего любимым бандитам или сотрудникам спецслужб. И внутренний голос подсказывал: берись за это дело.

«Если я почувствую...»

Вот оно! Верить не логике, а ощущениям. А внутренний голос – это и есть то самое чувство.

«Конечно, – подумал он еще через полминуты, – в итоге мы все пятеро почти наверняка снова вляпаемся в какое-нибудь дерьмо, но попутно – и это тоже наверняка – узнаем много интересного».

И вот поймав себя на этом сверхцинизме – мечтах о поиске интересной информации в дерьме, – Крошка мысленно рассмеялся и даже внешне не смог сдержать улыбки. Очевидно, не смог, потому что сразу перехватил удивленный взгляд Циркача и обиженный, если не сказать возмущенный – Фила: человека убили, а этот придурок улыбается!

Но Крошка знать не знал никакого Эдика и мог сейчас думать только об одном – о непосредственно предстоящей им работе.

Из специального досье Четырнадцатого Главного Управления ФСБ (ЧГУ)

Большаков Андрей Николаевич, 1966 года рождения, русский, кличка – Крошка, родился в г. Чжаланьтунь (Китай), женат с 1987 года, жена – Мария Анатольевна Чистякова, 1964 г.р., сын – Егор, 1993 г.р., отец – Большаков Николай Иванович, русский, полковник инженерных войск, мать – Рубцова Зоя Никитична, русская, врач. Среднюю школу закончил в Челябинске, в 1983 поступил в высшую школу КГБ. С 1988-го в штате Девятого главного управления. В 1990-м завербован, в 1991-м официально переведен в штат ЧГУ. С 1991-го по 1994-й спецучилище ЧГУ. Присвоено звание – капитан. С 1995-го по 1997-й – Чечня. Возглавил группу спецназа. Сентябрь 1997-го – вместе с группой выведен из личного состава ЧГУ за нарушение воинского Устава. Официально – в розыске.

Особая характеристика: раскрытие латентной энергии организма с помощью алкоголя (Большаков возражает против изучения этой своей особенности); умение подчинять себе людей, организовывать и проводить сложнейшие спецоперации; выдающиеся аналитические способности; коэффициент экстрасенсорного восприятия опасности – 0,94 (более высокий коэффициент не зафиксирован ни у одного человека в мире).

Подвал производил сильное впечатление. И глубиной и территорией – на добрый квартал. В самом центре Москвы! Кому это раньше принадлежало? Двух ответов на этот вопрос быть не могло. Подземные спецсооружения столицы, которые так любил обустраивать Отец народов, находились исключительно в ведении НКВД. И где-то оно теперь, это ВЧК-КГБ? Почему ушами хлопает?

А подвал-то хорош! Особнячок над ним – как капитанский мостик над огромной подводной лодкой. В подземелье располагались, всякие офисы, небольшой конференц-зал, лаборатории, склады, просторная столовая, скорее похожая на ресторан, спортзалы, сауна с двадцатипятиметровым бассейном, огромный, отлично обустроенный тир... Не хватало разве что конного манежа, да еще, пожалуй, танкодрома для полного счастья. И что характерно, все эти помещения были обеспечены прекрасной вентиляцией, кондиционированием и высококачественной имитацией дневного света. А помимо лифта, на котором они и приехали, имелись еще массивные железные двери, как у шлюзовых камер, выводящие, надо полагать, в туннели метро – для доставки грузов и на случай экстренной эвакуации.

Их пятерых прежде всего попросили раздеться, принять душ (для бодрости) и выдали грамотные спецназовские комплекты – комбезы с веревочной сеткой, защищающей от прилипания к телу, легкие и прочные ботинки, очень компактные бронежилеты из нео-кевлара, шлемы с забралом – все по-взрослому! Одежду цивильную сдали на склад по описи, пока ребята мылись. Карманы и швы были, надо думать, тщательно проверены. Да только нечего там было искать – их же всех повывергивали из дома да с отдыха, кроме Циркача, про которого и так было все известно, и Шкипера, сдавшего, естественно, свое табельное оружие. Стволы выдали, может, и не новейшие, но вполне серьезные и удобные – «кедры». Поразил боекомплект, рассчитанный вне всяких сомнений на многочасовой бой. По четыре лимонки на каждого – это тоже было немало. После такого казалось особенно интересным выслушать непосредственную боевую задачу.

Однако ситуация складывалась дурацкая. Инструктировать группу спецназа поручили одному из замов Мышкина, скромно назвавшемуся майором Платоновым. Одетый в камуфляж, но без погон, лет пятидесяти (смешно в таком возрасте иметь звание майора!), но юркий, сноровистый, гибкий, по-спортивному крепкий Платонов, постоянно был вызываем то наверх, то еще куда-то – в связи с последним убийством в Турции. Эдик Свирский оказался если и не впрямую человеком убитого Аникеева, то, вне всяких сомнений, фигурой очень значительной для всей конторы. И как же это угораздило Фила познакомиться с таким человеком именно сейчас, за несколько дней до срочного вызова в Москву и до заказного, вне всяких сомнений, убийства? Неужели простая случайность? Или...

Этот вопрос не отпускал Крошку ни на минуту, но вообще-то сейчас он уже думал над другой загадкой. Он все смотрел на псевдомайора Платонова (полковник он, как минимум, видно было невооруженным глазом!) и мучительно вспоминал, где они могли видаться. В Чечне? В Паланге? На Таймыре? В Венгрии? А потом Платонов появился в очередной раз, сдернул трубку аппарата, стоящего посреди стола и вдруг заговорил по-польски. Крошка не знал польского, но смысл беседы едва ли был секретным, раз она велась в открытую, да еще так громко, эмоционально – дело было в другом: в естественной ассоциации. Андрей теперь с абсолютной точностью вспомнил, где видел этого человека.

И сразу ему сделалось кисло. Вот тебе и майор Платонов!

Из них пятерых еще только Борис мог знать в лицо знакомого незнакомца, ну, Крошка и шепнул Циркачу на ухо:

- Ты раньше встречал здесь этого хмыря?
- Никогда.
- Но ты узнаешь его?
- Кажется... узнаю, – ответил Циркач нерешительно.

Говорил он еще более тихим, практически неслышным шепотом – Борька этим своим умением славился еще в военном училище, где прослыл величайшим мастером подсказок.

И псевдомайор Платонов действительно ничего не услышал, не мог услышать, ведь он продолжал «пшикать» с невероятной экспрессией.

– Вроцлав, правильно? – спросил Циркач. – И звали его Гном?

– Эльф, – поправил Крошка, – но оговорка прекрасная. Я так и передам... И вот теперь ты мне скажи: кто же кого завербовал: Мышкин этого «гнома», или «гном» – всю эту шайку одним махом? А в решающий момент явился сюда сам, собственной персоной...

Циркач не успел ответить, потому что майор Платонов закончил трепаться с польским другом и объявил:

– Ну, все, начинаем.

И они начали.

Задача-то была ого-го! Взять штурмом ночью чью-то дачу в Вязниковском районе Владимирской области на берегу Клязьмы. Майор выдал всем карты-полукилометровки. А на доску повесил план-схему объекта. Неслабая оказалась дача: с КПП, с двойным забором – внешний проволочный с колючкой и током, внутренний – железобетонный, уходящий на два метра вглубь и соединенный с фундаментом главного здания. Ворота такие, что никаким джипом с налету не пробьешь. Тут хоть хваленый американский «хаммер» гони – все одно, непременно всмятку. Не дача, а прямо командный пункт штаба армии! Охрана, не считая дежурного наряда из трех бойцов на КПП, – шестнадцать человек с подготовкой уровня областного ОМОНа, у всех «калаши». Плюс три двенадцатимиллиметровых пулемета, один РПГ-7 и одна противотанковая(!) пушка.

– Кто они, эти ребята в охране? – спросил Крошка.

– Я понял ваш вопрос, – кивнул майор. – Вам не хочется стрелять на поражение по своим. Но это не ментура и даже не ГБ, это – собственная служба безопасности мафиозного клана, называющего себя «Корпорация Феникс», то есть наших главных даже не конкурентов, а врагов. Да, они тоже делают вид, что торгуют, у них даже есть какая-то сеть, но в действительности зарабатывает фирма только на вымогательстве, последовательно ставит палки в колеса любому благому начинанию, связанному с рынками. Так вот, возвращаясь к ребятам из персональной охраны президента «Корпорации Феникс». Кто из них где и кем служил раньше, – это личное дело каждого, сегодня все они служат только «Фениксу». Знали, на что идут и чем собираются заниматься. И учтите, необстрелянных солдатиков-первогодков там не будет, уж это точно. Кстати, ваше право – не убивать никого вообще. Если сумеете, даже хорошо. Это всегда хорошо. Задача в другом – захватить в заложники хозяина дачи, то бишь президента корпорации.

– Да это не дача, а какой-то дворец Амина, – проворчал Шкипер с такой солидностью в голосе, будто сам и сражался в семьдесят девятом в славной команде полковника Бояринова.

– Похоже, – согласился майор. – Сравнение вполне удачное. Так вот, не мне вам напоминать, какими скромными силами был взят тот дворец, да и сам Амин.

– А как мы узнаем нашего «Амина»? – поинтересовался Пиндрик.

– Вам покажут фотографии и даже видеопленку.

– Хорошо, – Крошка перешел к главному, к стратегии. – Так мы будем брать эту крепость впятером с пятью «кедрами», стреляя из под локтя?

– Почему из-под локтя? – удивился Платонов.

– А так, ради понта, – с вызовом ответил за Крошку Циркач. – Но впятером – это все равно дохлый номер!

– У вас будет огневая поддержка сзади. И еще у вас будет танк.

– Так бы сразу и сказали, – обрадовался Крошка. – Какой именно танк?

– Т-80 подойдет вам?

– Хреновая машина, – угрюмо отозвался Пиндрик.

– Хреновая?! – удивился майор. Он смотрел персонально на Пиндрика, из-за маленького роста сочтя его главным танкистом. – А вы бы предпочли «Леклерк»?

– Да нет, – ответил за Игоря Шкипер, – мы патриоты.

Он-то прекрасно понял, что имел ввиду Пиндрик, и обстоятельно пояснил:

– Восьмидесятый – это могучий красивый зверь. Водил я его и не раз. Но беда в другом, он сделан для танковых сражений. Броня – против брони. А когда ты насакиваешь на мину – особенно свирепы эти итальянские, черт, забыл, как называются... Короче, башню заклинивает, и через передний люк невозможно вылезти, потому что ствол слишком низко и крышку не пускает. Получается гроб на колесах, а не машина. Так что мы предпочли бы Т-90, в нем эту ошибку уже учли.

– Ну, ребята, из-за последней модели нам бы пришлось дергать одного человека, которого дергать совсем не стоит. Обойдетесь. Тем более, что противотанковых мин там не будет. Стопудово, – Платонов добавил для убедительности словечко из молодежного жаргона. – Там просто никто не ждет никакого танка.

– Хорошо, обойдемся, – легко согласился Крошка.

Это был нормальный разговор.

Однако давненько не сражались они настолько всерьез! Да еще в самом центре России. А вообще, всякий раз, когда возникала интересная военная задача, политические, юридические, философские проблемы отходили на второй план, помимо чисто практических деталей удерживались в голове лишь два аспекта – моральный (это святое!) и экономический (это почти святое!)

Сакраментальный вопрос «Сколько?» на этот раз первым задал Циркач, очевидно, на правах заслуженного сотрудника фирмы и видного специалиста по информационным технологиям и спецресурсам.

– Так. И что нам за все это причитается?

– А сколько вы брали всегда?

– Мы брали всегда по-разному, – мрачно объяснил Крошка. – Когда-то давно соглашались на сорок штук – каждому, наличными и полностью вперед. Потом мы повзрослели...

– Стоп, ребята, – сказал майор Платонов. – Повзрослели не только вы. Но и страна после кризиса повзрослела. Вы же понимаете, что реальная покупательная способность доллара в России выросла как минимум вдвое. Так что сегодняшние двадцать, а то и пятнадцать, это как вчера сорок.

От подобной борзости заказчика Крошка чуть дара речи не лишился. Давненько ему не предлагали участвовать в настоящем бою меньше, чем за половину от обычной суммы, какую платят за спецоперацию дежурной степени сложности, как то: освобождение заложников, арест лидера криминальной группировки в квартире или ресторане, захват охраняемого объекта средней паршивости...

Потом офицер спецназа Андрей Большаков по прозвищу Крошка немного пришел в себя и начал говорить, но с каждым словом все громче и громче:

– Товарищ майор! Меня и моих друзей абсолютно не интересует текущий курс доллара в этой стране. Да, мы любим Россию и не раз сражались за ее интересы, но я специально говорю «эта страна», потому что в первую очередь мы думаем о жизнях людей. А стоимость жизни – моей, вашей и чьей угодно другой, – никогда не зависела и не будет зависеть от курса валют на любой из бирж. И даже от судьбы страны. Если по-вашему иначе, мы сейчас просто встаем, разворачиваемся и уходим.

– Стоп! Успокойтесь. Я все понял, – Платонов даже из-за стола поднялся. – Это была просто, как говорится, проверка на вшивость. У нас в организации разработана тарифная сетка

и существует стандарт оплаты за спецоперации повышенной сложности – сто тысяч каждому исполнителю.

– И это мы-то будем работать за *стандартную* плату?! – Крошка уже не мог остановиться.

– Заметьте, я этого еще не говорил. Теперь внимание: мы готовы предложить вам вдвое больше стандарта.

«Ничего себе торговля – какая-то игра в поддавки!» – подумал Крошка и внаглую потребовал:

– Двести пятьдесят!

– Нет проблем, – мгновенно согласился Платонов, – но это последнее слово.

И стало ясно, что дальнейшее задиранье расценок будет не только некрасивым, но и бессмысленным.

А заказчик тут же почувствовал: инициатива перешла к нему, и добавил как бы в про- брос:

– Еще одно маленькое замечание. Старший лейтенант Зисман, вы уже уволились из рядов нашей охраны?

Этому псевдо-майору почему-то очень нравилось разговаривать строго по-военному, и Циркач ответил ему в тон:

– Никак нет, товарищ командир!

– В таком случае вам причитается только двести тысяч.

– Ни фиги себе! В вашей фирме охранник за два месяца зарабатывает пятьдесят штук? – это выпалил Пиндрик и аж присвистнул.

– Конечно, нет, – ответил Платонов. – Просто существует определенная этика отношений. Например, когда-то я работал в журнале...

Он сделал паузу, словно прислушивался к чему-то, и Крошка вклинился с достаточно бестактным вопросом:

– «На страже Родины»?

– Почти, – кивнул Платонов. – Во французском издании «Плэйбой». Так вот, для штатных сотрудников ставка гонорара была там на двадцать процентов ниже, чем у сторонних авто- ров.

Никто так и не понял, всерьез ли говорилось про «Плэйбой», но про вознаграждение для Циркача – абсолютно всерьез, и Борис был вынужден согласиться. Впрочем, тут же заявил немного обиженным голосом:

– А насчет увольнения я подумаю. К чему вообще работать с такими деньгами?

– Обсудим это после операции, – резонно заметил Платонов.

А Крошка напомнил:

– Вы случайно не забыли? Все наличными и полностью вперед.

– Разумеется, – кивнул майор, – я не склеротик. Только в этом случае, ребята, по ходу боя вам придется таскать за собой повсюду довольно увесистый чемоданчик. Отпустить вас домой или в банк мы уже не успеваем. Или есть еще вариант: можем выдать тысячными бумажками.

– Какими?! – не поверил Крошка. – Да их же, насколько я знаю, печатали в очень ограниченном количестве и только для межбанковских расчетов, а с девяносто шестого года вроде и вовсе выпускать перестали.

– Ценю вашу эрудицию, капитан, но мы действительно готовы найти для вас этих крупных купюр на всю сумму.

– Не надо, – решительно сказал Крошка. – Куда мы с ними пойдем? Это называется «до первого мента». Прежде чем на рубли разменяешь, три раза объяснить придется, где взял. Уж лучше десятками взять или по доллару. Давайте ваш чемоданчик.

– Но зачем же чемоданчик? – возразил Фил. – Раскидайте нам по пачкам на пять брезентовых заплечных мешков – и порядок! Своя ноша не тянет.

– Что ж, по рукам, друзья, – резюмировал майор Платонов, повысивший их до уровня личных друзей, очевидно, по случаю совершения сделки.

Беседа с неизбежностью подходила к концу, и Крошка поспешил задать еще один важный вопрос:

– С чем связана такая спешка? Поймите, я не пытаюсь влезать в ваши дела, просто хочу понять, что грозит лично нам, если мы по той или иной причине не уложимся в график. На объект нагрянет целая воздушно-десантная дивизия? Или его накроют ракетным ударом вместе с нами, или?..

– Все гораздо проще, капитан, – перебил Платонов. – Просто в ближайшие сутки товарищ Амин, он же господин Павленко будет у себя на даче, и мы точно знаем, что он никого в гости не ждет, а потом... Одному Богу известно, что может случиться потом. Лично я не хочу, чтобы мои родственники узнали о моей смерти из выпуска новостей.

– Ответ принят, – сказал Крошка.

– Ну, вот и славненько, – ответил Платонов с предельно мирной интонацией, словно он агент турфирмы и только что продал клиентам замечательные путевки на острова в Карибском бассейне.

Затем псевдо-майор удалился на пару минут и вернулся с чемоданом денег и пятью вещмешками. Поприсутствовал при процессе переукладывания и выборочного пролистывания пачек, запечатанных в стандартную банковскую упаковку, и прежде чем уйти, предложил посетить соседний офис, где можно познакомиться с фотографиями и видеозаписью.

Враг всего прогрессивного человечества кровавый мафиози Аристарх Николаевич Павленко выглядел весьма благообразно. Лет сорока пяти, но молодежавый, гладкая кожа лица с таким юношеским румянцем, зачесанные назад волосы, прямой, открытый взгляд светло-серых глаз, приятные манеры – ну ни дать, ни взять, положительный комсомольский лидер даже не брежневской поры, а давних времен романтической оттепели – таких только в старых фильмах и показывают. А Пиндрик вдруг сказал:

– Улыбка – ну, прямо как у этого, Аникеева, которого убили.

И Циркач согласился:

– Правда, внешне совсем разные люди, но какое-то внутреннее сходство удивительное!

Хорошо, что ни Платонов, ни Мышкин этого разговора не слышали, а девушка-оператор, крутившая им кино про Павленко через большой плоский жидкокристаллический дисплей компьютера, на подобные реплики не реагировала.

Вообще, события разворачивались, как в сказке: и деньги выдали, и оружие, и под конвоем не водили. Но Крошка поминутно напоминал себе, что обязан эту сказку сделать былью, иначе столь приятная обстановка может легко обернуться западней. И теперь самое главное для подстраховки – найти способ как можно скорее сообщить генерал-майору Кулакову следующее: на распрекрасный, во всех отношениях замечательный федеральный (или какой он там – муниципальный?) центр спецтехнологий и информационных ресурсов (или наоборот?) почему-то работает знаменитый агент-перебежчик как минимум трех разведок – старина Эльф. Вряд ли его теперь завербовали в СВР или ГРУ, ох, вряд ли! Годы не те у мужика, чтобы так сразу ориентацию менять. Так что же это значит? А вот пусть Кулаков и решает – ему за это зарплату выдают ежемесячно, и вообще, у него там целый штат, целая система. А они пятеро – кто такие? Просто солдаты удачи, дикие гуси. Пожалуй, у них немного странные для наемников принципы – как можно больше спасти и как можно меньше убивать; прежде чем что-то делать – обязательно думать; наконец, родину любить сильнее денег, а людей – сильнее родины... Но одно остается неизменным – заработали – и на дно. В политику – не

соваться, ни в коем случае! Гори она огнем, эта политика! Впрочем, несколько раз влезали уже и всякий раз выбирались назад, как из помойки, и долго-долго потом мыли руки...

Крошка решил поступить самым простым способом. Поднявшись наверх и убедившись, что Эльф остался внизу, он перед самым отъездом, внезапно хлопнул себя по лбу и попросил – ну, буквально на три минутки – позвонить жене.

– Ё-моё! Я же ключи от гончарки и от машины оставил в ящике письменного стола – она их в жизни не найдет. Братцы, это важно!

Он уже брал трубку со стола, а мрачный сотрудник, сопровождавший их в верхних помещениях, молчаливо ждал продолжения и пристально вглядывался в Андрея. Однако разговору не препятствовал.

Маша ответила почти сразу. Значит, не спала, а телефон, разумеется, у постели. Отработав легенду с ключами, Крошка как бы совершенно невзначай поведал:

– Я тебе несколько дней не смогу звонить, Шушуня, ты не беспокойся. Все нормально, я тут многих старых друзей встретил – Шкипера, Филя, даже этого – Гнома. Как это, какого? Ну, он еще в Белорусском национальном десанте служил... Ладно, Шунь, мне уже некогда. Ты обязательно передавай привет дяде Воше, как только он вернется из своей Испании, слышь? Ну, пока!

По глазам мрачного сотрудника ничего понять было нельзя: догадался, не догадался? Эльф обязательно догадается, если они тут всё пишут и если он потом прослушивает, так ведь и Владимир Геннадиевич к тому времени уже мно-о-о-ого успеет предпринять.

«Хорош, Андрюха, – сказал себе Крошка. – Теперь выкидывай все из головы, часа через два-три будете на месте. Рекогносцировка – дело серьезное – на нее вместе с разведкой дают меньше суток – с утра – и до темноты. А ночью штурм. Ребята не подведут, главное – сам себя не подведи. В этом танковом сражении в мирное время ошибаться будет точно нельзя».

7

– Ну, ты, брат, загорел, – сказал начальник ЧГУ генерал-лейтенант Форманов.

– Есть такое дело, – кивнул его зам генерал-майор Кулаков.

Генералом он стал совсем недавно, а начальником особого отдела ЧГУ отбарабанил добрых три года. Особым называли отдел, занимавшийся непосредственно подготовкой и проведением спецопераций. Так что с очередными и внеочередными отпусками в этом подразделении было не все понятно: если случалось что-то срочное, начальство находило хоть на Марсе. А компенсацию за это... Что ж, ждите, товарищи, в виде добавки к пенсии и прочих благ.

– И, заметь, Алексей Михайлович, – поведал Кулаков, – всего за три дня загорел. А ведь так надеялся по-человечески отдохнуть!..

– Зря, – припечатал Форманов. – А впрочем, не гневи Бога, Геннадич! Три дня без единого ЧП – это уже неплохо.

– Ладно, проехали, – согласился Кулаков. – Вот посмотри лучше: научили меня там цивильные сигареты курить. Представляешь, к чему пристрастился – легкие, ну прямо дамские, да еще с ментолом! Мексиканского производства, между прочим. «Импала» называются.

– Водка у них – текила, сигареты – импала, – задумчиво проговорил Форманов.

– Текила – это не водка, – осторожно поправил Кулаков. – А импала – это такой олень.

– Олени, значит, говоришь... – еще более задумчиво пробормотал Форманов, потом вскинулся, словно проснувшись: – Однако хорошие сигареты. Когда после второй за день пачки в горле першит – с ментолом в самый раз, это я знаю. Сам когда-то баловался. Но ты давай, говори по сути, отдых-то уже кончился. Досрочно, – сурово добавил начальник. – Рассказывай. Откуда информация? С какой радости шулер поднимаешь?

– А ты еще не понял? Информация, как всегда, из Гамбурга. От нашего агента. Очень мутная, должен тебе сказать, информация. Дескать, кто-то из немецких ультраправых заказывает убийства русских бизнесменов. Где? Не известно. Когда? Тем более. Но это все – сведения трехдневной давности. Они же мне еще в день приезда сбросили шифровку по электронке прямо в номер, через Интернет, разумеется. Только я сообразил, как в ихнюю телефонную розетку мой ноутбук воткнуть, а там уже – пожалте! – имеется почта, и не от любимой женушки, понятно, а от любимых сотрудников. Пришлось изучать какую-то ересь о транснациональных объединениях уголовных авторитетов, контролирующих рыночную торговлю. Управлению МВД по борьбе с экономическими преступлениями было там над чем мозгами пораскинуть, уж это точно, а мы-то здесь при чем – я все никак не въезжал. И вообще, информация не носила срочного характера и по спецканалам через спутник не передавалась. Но вчера днем, сам понимаешь, такое дело... А ночью еще один выстрел...

– Все, стоп, – прервал его Форманов. – Раз информация из Гамбурга мутная, послушай меня. Я получил твою шифровку рано утром и сразу запросил все, что можно, у МВД и ФСБ по Аникееву и Свирскому. Сведений, честно скажу, маловато, но ознакомиться уже есть с чем. Турецких убийц мы пока найти не можем. А вот московский наемник – очень любопытный персонаж – это действующий международный мастер по стрельбе из винтовки Анатолий Глаголев – ученик великого Кручинина, ну, помнишь, этого нашего чемпиона, которого еще подозревали в нескольких заказных убийствах, но так и не сумели ничего доказать. Слишком серьезный оказался заказчик. Госзаказ, как говорили при советской власти. У нас, кстати, были данные на Кручинина, но меня вовремя тормознули. Ну, а ученичок его, понятно, даже и не представляет себе, на кого работал. Цепочка заказа на этот раз безумно длинная и наверняка рвется где-нибудь посередине в самом интересном месте. Я попросил проанализировать все трупы последнего месяца, но это же адова работа! А к тому же, кто сказал, что покушение не готовилось в течение, допустим, полугода. И наконец, вместо материалов допроса гражданина Глаголева, у нас только обрывочные данные прослушки, полученные через ФСБ. Ведь парнишка то сидит даже не в Лефортове, а в «частной тюрьме», то есть просто на чьей-то даче или квартире.

Кулаков слушал это все довольно внимательно, но все же думал параллельно о своем. «Частная тюрьма» заставила его усмехнуться и помотать головой, но вообще как раз то, что команда Аникеева могла отмазать убийцу не только от милиции, но и от ФСБ, уже не удивляло. Еще пара лет такой жизни, и мафиозники будут подменять собою все госструктуры, включая армию и МЧС. Меж тем Кулаков догадывался, что скоро в монологе Форманова возникнет пауза, и шеф, наконец, спросит о главном более предметно, чем вначале.

Так и вышло. Форманов встал, подошел к окну, посмотрел во дворик и проговорил:

– Ну, и с чего ты вдруг переменял мнение? Почему решил, что вся эта история все-таки будет касаться нашего ведомства.

– Так ведь я уже в Бадягине побывал и дискету прочел, которую Циркач для меня там оставил, а вместе с ней Маша, Андрюшкина жена передала мне запись последнего звонка Большакова из Москвы. Вот после этого, Михалыч, Турция, Германия, и Измайловский рынок – все склеилось. А не ты ли мне еще весной давал в разработку «короля рынков»? Тогда это дело замяли, известно по чьей просьбе, а сегодня, когда «короля» не стало...

Форманов резко обернулся.

– Доказательства, дядя Воша! Где доказательства, что «королем рынков», на которого собирались открыть охоту, был именно Аникеев?

Кулаков молчал.

– Что, сплошная интуиция, которая в некоторых случаях дороже логики? – поинтересовался Форманов язвительно.

– Нет, – замялся Кулаков, – чистейшая логика. Видишь ли, Крошка, ну то есть Большаков узнал в лицо одного из замов Аникеева и уже успел мне сообщить об этом.

– И кто же он, этот зам?

– Агент БНД Клаус Штайнер по кличке Эльф, он же агент Моссада Миньян, он же польский разведчик Юриуш Семецкий, он же...

– Твою мать! – вырвалось у Форманова. – А Эльф не мог узнать Большакова?

– Не мог. Он его не видел. Ты забыл, наверное, на том задержании ребята работали порознь, только Циркач стоял рядом, но он был в очень хитром гриме. Крошка вообще сидел в баре к Эльфу спиной, ну а потом... Потом этот дьявол ушел, ты должен помнить...

– Да, да, конечно, – пробормотал Форманов и повторил с еще большей экспрессией. – Твою мать!

Новая пауза была долгой. Кулаков успел размять и раскурить набитую какими-то опилками, но любимую с юных лет сигарету «Дымок», и за этим процессом напрочь забыл об «Импале» с ментолом.

И, наконец, до генерала Форманова дошло.

– Постой, где, говоришь, Большаков опознал Эльфа?!

– Не знаю точно. Может быть, в машине, а может, и в офисе Аникеева. Ты лучше глянь на расшифровку этого телефонного разговора. Это же поэма! Эльф называется старым другом по кличке Гном, служившим в Белорусском национальном десанте.

– Белорусский национальный десант – это сильно, БНД, значит, получается, – оценил Форманов, а потом словно еще раз проснулся: – Ладно. Ты мне своими десантами имени Лукашенко зубы-то не заговаривай. Что делает Большаков в фирме Аникеева?

– Работает вместе со своей группой на ЧГУ, – не задумываясь отрапортовал Кулаков.

– Ой ли? – улыбнулся Форманов. – Не сходятся у тебя концы с концами, Владим Геннадич! Получается, когда ты спрашивал у меня разрешения подключить к работе группу Большакова, он уже работал. И не на нас – на Аникеева. Так, что ли?

– Не так. Большаков работал на себя. Но постарайся понять: я-то у тебя хотя бы пост фактум разрешения спросил, а Андрей меня вежливо так в известность поставил – и все...

Генерал-полковник Форманов вдруг начал неудержимо хохотать, хотя ситуация, скажем прямо, к этому не располагала.

– Я одну историю вспомнил, – пояснил он, наконец. – Про Льва Толстого и великого кинооператора Пате. Толстой, как известно, терпеть не мог кино во всех видах. Пате его втихаря снимал на перроне железнодорожной станции, а потом интеллигентному французу неловко стало. Он подошел и спрашивает: «Можно я буду вас снимать?» «Так вы меня уже снимаете!» – резко так отвечает Толстой. «Но мне неудобно как-то, – говорит Пате, – я бы хотел ваше разрешение получить...» «Хотели получить?! – говорит Толстой, окончательно озверев. – Так я вам не разрешаю этого делать!» После чего Толстой идет дальше, а Пате продолжает его снимать.

Кулаков даже не улыбнулся:

– Но ты же дал мне разрешение...

– Так я и не знал, что ты меня уже снимаешь...

Помолчали. Кулаков потянулся за второй чудовищно набитой сигаретой «Дымок».

– Кем был этот Иван Аникеев по данным из Гамбурга? – решил первым нарушить молчание Форманов. – По официальным сводкам МВД он обычный уголовный авторитет, державший все московские рынки.

– А по неофициальным догадкам аналитиков гамбургской резидентуры он и есть король рынков, не имеющий прямого отношения к уголовщине. Мы считали весной, что король – это кто-то из турецких финансовых магнатов или – версия номер два – кто-то из кремлевских кураторов рыночной теневой экономики. Но в Турции неожиданно убивают нашего владимирского парня, а в Кремле вообще не трогают никого. Остается Иван Лазаревич Аникеев.

Именно он оказывается в своем рыночном королевстве одновременно и серым кардиналом и публичным политиком. Вот для борьбы с ним западники и внедряют в фирму своего Эльфа. Собственно, это не называется внедрить, они его официально вводят, присылают в качестве консультанта. Словно какого-нибудь Джеффри Сакса в правительство Гайдара. Уму не постижимо: агент которого, сбившись с ног, ищут пять разведок и шесть контрразведок, спокойно приезжает в Россию и даже не слишком прячется.

– А от кого ему прятаться? – еще более обиженно, чем Кулаков, запыхтел Форманов. – У него тут все свои. Сам посудите. Если какой-то Мышкин, зам директора пресловутого центра «Сфера» получает разрешение Вашингтона и Брюсселя на коридор для вылета военного самолета с территории Турции! И не только не скрывается от спецслужб, но даже согласовывает свои действия с официальными структурами России. Хочется верить, что Мышкин на пару с Эльфом еще не знают про нас, но если завтра они оба придут ко мне в кабинет, я даже не слишком удивлюсь...

– Ну, не надо, – не поверил Кулаков такому дикому предположению, а потом, некоторое время помямлив, сообщил:

– Ты все-таки дослушай некоторые подробности, Михалыч. Циркач, то бишь Боря Зисман уже пару месяцев работает в охране фирмы Аникеева, этого самого «Муниципального центра информационных технологий и спецресурсов», то бишь «Сферы», и после вчерашнего убийства именно он решил собрать остальных. Не советуюсь с нами. До поры. Но это не было придумано, как своя игра, ведь именно он заготовил для нас информационную дискету – изучишь на досуге. Там много интересного.

Такая была у них дежурная шутка – изучать самую срочную оперативную информацию «на досуге».

– Весело, – проговорил Форманов. – Значит, все-таки наших людей нанимают другие. А они даже не ставят об этом в известность ЧГУ? Я правильно понял?

– Нет, товарищ генерал, – равнодушно и даже хмуро произнес Кулаков это, в общем-то, привычное, но теперь звучащее как издевка обращение. – Они наши, когда они – команда. Поодиночке никто из них подписку не давал и в штат ЧГУ обратно не зачислялся. Тем-то и ценна группа Большакова. И сегодня их вроде бы пугающая автономность на самом деле необычайно на руку именно нам. Ну, попробуй сказать, что я не прав.

– Не буду пробовать, – проворчал генерал Форманов. – Скажи лучше, куда их направили теперь?

– Наверняка говорить рано. В офисе Аникеева у нас «ушей» нет. Весной пытались подключиться, да столкнулись с такой техникой, что чуть было не засветили собственные номера. Но по косвенным данным наша группа выдвинулась в направлении так называемой резиденции Павленко. Аристарх Николаевич Павленко – глава «Корпорации Феникс», очень серьезный персонаж, его продвижение после девяносто первого года...

– Спасибо, я помню, кто это, – перебил Форманов.

– Хорошо, – кивнул Кулаков, словно проверял память начальника. – Так вот. Объясняю, откуда возникла гипотеза. Наружка вела наших ребят до Вязников, а дальше стало невозможно, но там уже до пресловутой резиденции рукой подать. А вот телефоны Павленко мы как раз прослушиваем. Даже разговоры в его главном офисе должны писаться. И еще плюс: Павленко не ждет гостей. Так что раньше времени влезать туда физически не стоит, дабы никого не спугнуть, однако к завтрашнему утру, я считаю, надо иметь мобильную группу именно в Вязниках.

– Вот ты ее и возглавь, – принял Форманов неожиданное решение и нажатием кнопки вызвал адъютанта, чтобы отдать все необходимые распоряжения.

– Ты знаешь, я сам об этом подумал, но...

– Решил, что дело начальника сидеть в кабинете на телефонах и руководить? Ты же боевой генерал, Геннадич! А телефон – в наше время не проблема, спасибо последним достиже-

ниям конструкторов, космическая связь теперь в кармане помещается. Вот и звони из владимирских лесов хоть в Нью-Йорк, хоть в Брюссель. Очень может статься, что именно в этой глуши и пойдет охота на нашего главного фигуранта. Иван Аникеев, безусловно, был королем рынков, но берут меня сильные сомнения, что весной под этим именем проходил именно он. Разберись, дядя Воша. А папочку мою просмотри до отъезда повнимательнее.

И он выдал Кулакову все, что удалось нарыть в МВД и ФСБ об Аникееве, Мышкине, Свирском и Павленко.

Глава вторая ШТУРМУЕМ «ДВОРЕЦ АМИНА-2»

1

– Шушуня! Ты где?

– Подожди, мой маленький, я сейчас!

Она так смешно и мило называет меня – «маленький». Если мы оба стоим, ее губы утыкаются чуть повыше моего пупка. Восторг! А какой-то дурак еще говорил мне, что рост мужчины и женщины в идеале должен быть примерно одинаков.

– Кто тут маленький, – картинно сержусь я.

– Вот он – мой маленький, – отвечает она обычно, показывает пальчиком и начинает ласкать моего красавца, поглаживая, как младенца, по головке и не только.

Так мы играем. Но на этот раз моей Машуни все нет.

– Шушуня! – кричу я.

– Я тут! – отвечает она.

Мы переключаемся, как в лесу. А ведь сидим оба в номере роскошного отеля и за окном теплое море, не остывающее за ночь, и кудлатые пальмы, склонившиеся над крупным песком. На Юге страшно обостряются все желания: есть, пить, двигаться, смотреть, слушать – всего хочется, как в первый раз. И *это* желание тоже обостряется, быть может, оно-то и становится сильнее всех прочих.

Я сижу на белоснежной ароматной постели и схожу с ума от желания, а она все не выходит из ванной. Нарочно, что ли? Включаю телевизор. И попадаю на ночной эротический канал. Кажется, французский. Танцуют безумно красивые длинноногие девки. Ну, что они, издеваются, в самом-то деле? Я же сейчас просто не дождусь Маши, и...

Машуня выпархивает из ванной в легком купальном халатике, и я захлебываюсь от восторга при виде ее.

– Погаси свет, маленький!

– С чего это? – удивляюсь я.

– Ну, погаси, пожалуйста, я прошу тебя!

Она прижимается ко мне всем телом и нежно облизывает грудь, я целую ее плечи и шею. Ну, как тут не выполнить просьбу? Свободной рукой дотягиваюсь до выключателя. А что я делаю не свободной, догадайтесь сами.

– Шуня, ты вся дрожишь. Тебе холодно?

– Дурачок, – шепчет она, – я просто очень хочу тебя! Почему мы так редко видимся, маленький? Слово я и не жена, а так, какая-нибудь любовница... Или это только лучше?

Но я уже не слышу, что она там шепчет, я уже ничего не слышу, потому что рука моя нашаривает нечто восхитительно непривычное.

Пауза. Машуня тихо смеется.

– Что это? – выдыхаю я.

– Ой, мне щекотно! – она продолжает смеяться.

Нет, теперь уж я точно зажгу свет.

– Не надо, я стесняюсь, – она продолжает дурачиться. – Это тебе сюрприз – мой новый причесон.

– Ты сделала это бритвой? – при свете я просто в полном восторге.

– Дурачок, сейчас же есть специальные кремы.

- Какая красота!
- Но я стесняюсь!..

Она дурачится еще ровно две секунды, потом раскрывается мне навстречу, как нежный розовый бутон...

- Шуня, я так люблю тебя, Шуня!..

И я вдруг понимаю что забывшись шепчу это вслух, не в номере клубного отеля на Кипре, и даже не на сеновале в Бадягине, а во чреве ревущего военно-транспортного вертолета, куда нас пятерых только что загрузили, и позволили подремать с полчаса, так как после уж точно некогда будет.

Слава Богу, ребята ничего не услышали. Стыдоба – такой сентиментальный командир!

Завтрашний день обещал быть нелегким. Ночь – еще тяжелее. А сейчас – этакая расслабуха. К рассвету планируется только плотный, но быстрый завтрак и больше ничего до самого следующего утра – перед серьезными операциями штурмового типа, наедаться вообще не рекомендуется. Даже пить – самый минимум. Выспаться, конечно, не вредно, но это уже по обстоятельствам, будет возможность – поспим и днем.

Для всех желающих, предлагались таблетки кофеина и более серьезные препараты, даже мышечные стимуляторы. Бромантан например. Я от этой дряни всегда воздерживаюсь. Один раз только и попробовал. Но, доложу вам: реакция, резкость ударов, быстрота перемещений – возрастает все! И очень заметно – летаешь, как на крыльях. Однако Фил мне по секрету объяснил тогда, что от этой «бормотухи» (а так зовут бромантан все медики и спортсмены) начинаются некоторые осложнения в весьма деликатной сфере, а попросту говоря, встает плохо. И при частом употреблении в больших дозах можно сделаться вообще импотентом. Ну, я и зарекся его глотать.

А между прочим, бромантан (за границей его называют «русским допингом») наши умельцы народные именно для спецназа разрабатывали (спасибо вам, дорогие товарищи ученые!), но его, как водится, нежно полюбили эти психи, охочие до медалей и рекордов – спринтеры, конькобежцы, пловцы, профессионалы в игровых видах. И в отличие от наших бойцов, к таблеткам прибегающих только в исключительной ситуации, спортсмены травятся регулярно, поэтому именно они очень быстро и наглядно показали всему миру, как действует на человека новейший мышечный стимулятор. Согласитесь, приятнее учиться на чужих ошибках.

Короче и на этот раз я решил: обойдемся без химии, не маленькие.

В вертолете под монотонный гул всех сморило, но, пока не заснули, Циркач еще кое-что интересное успел поведать. Фил сидел от него слева, я справа, а Пиндрик и Шкипер расположились напротив.

Оказывается, Иван Аникеев, начинал свою торговую карьеру именно с Измайловской оптовой ярмарки. Вот вчера и приехал туда в честь десятилетнего юбилея. Захотелось ритуал соблюсти, вновь пройти собственными ногами по той земле, откуда стартовал в заоблачные выси. Так вот за эти десять лет Аникеев-младший действительно практически не пользовался воровскими связями отца, ну, если не считать, что в некоторых кругах само его имя работало. «Лазарь, сын Лазаря, – шептали друг другу уркаганы, – уважать надо». А он плевать хотел на уважение воров. Просто делал дело: координировал, концентрировал, расширял, разветвлял, упорядочивал. В итоге, грубо говоря, прибрал к рукам все оптовые рынки Москвы. А потом и всей России. А потом и значительную часть мелкооптовиков в других странах бывшего СССР. Распределение сфер влияния, дележка собственности движимой и недвижимой – это всегда процесс кровавый. Крыша наезжала на крышу, устраивались разборки со стрельбой, кого-то сдавали ментам или гэбухе, кто-то «рвал нитку», то есть делал ноги за рубеж. И

конечно, в известном смысле кровь многих самоуверенных авторитетов, претендовавших на большую власть, чем они того заслуживали, могла быть списана на Аникеева, но он никогда и никого не убивал лично, своими руками, и даже никогда не заказывал киллеров. У него были другие методы. Просто очень богатые люди вдруг становились бедными. А деньги направлялись на благие дела.

Пока существовала так называемая рублевая зона на всей территории бывшего Союза, проблем у фирмы Аникеева не было вообще. Потом сделалось посложнее, но контроль все-таки удавалось сохранять, удается и сейчас. В том-то и дело, что Аникеев сумел установить реальный, четко организованный и совершенно современный контроль с четкой (не двойной) бухгалтерией, с полным выводом всей информации на компьютер, с единой службой безопасности, с космическими телефонами, с аналитическим центром и международными связями.

Я выслушал это и даже не поверил вначале, а Циркач сказал, что и он не верил, пока не увидел всего собственными глазами. Через фирму Аникеева-Мышкина проходили АБСОЛЮТНО ВСЕ финансовые потоки, которые в официальных органах принято считать неучтенным наличным оборотом или, говоря по-простому, черным налом.

Аникеев был гениальным организатором, менеджером, умевшим находить общий язык с самыми несговорчивыми людьми. А его друг и правая рука Мышкин по прозвищу Князь оказался уникально способным экономистом, доктором наук, между прочим, и действительно потомком княжеского рода, но не это главное. Главное, он сумел понять рыночные механизмы новой России. Рынок – он ведь как живой организм, навязывать что-то не только бессмысленно, но и вредно, а если понять, чем кормить этого зверя, он начинает расти, давать потомство и всячески процветать. Вот аникеевские люди и наплодили рынков самого разного рода на радость себе и всему населению. Скажи плохо, когда в стране все есть! А ведь реально именно эта контора и кормит нас всех, потому что прибыль, получаемую со всех черных, получерных и четвертьчерных продаж идет у Аникеева, разумеется, не в государственную казну, зато и не в швейцарские банки. Впрочем, на данный момент это, к сожалению, одно и то же. Нельзя сегодня официальные налоги платить в бюджет – там просто бездна, черная дыра, смерть нашей экономики. А вот Аникеев и Мышкин разумно тратят свою прибыль на развитие торговой отрасли. Красиво? Очень красиво. Нарушается при этом закон? Конечно, нарушается. Но такие законы, какие принимает эта гребаная Дума в Охотном ряду, разве что совсем больной человек нарушать не станет. Главное же, что Мышкин с Аникеевым работали на благо России, вот почему они не бандиты, вот почему и надо им помогать.

Долго излагал Циркач всю эту теорию. Много интересных слов сказал. Хоть прямо сейчас зачисляй его на третий курс экономического факультета. Я, признаться, всегда стараюсь быть скептиком. Отец меня так воспитал, он любил повторять: «Знаешь, что написал молодой Маркс в анкете, отвечая на вопрос „ваш девиз“? „Подвергай все сомнению!“ Вот и ты подвергай, Андрюша!» Но на этот раз Борька почти убедил меня. Все так складно у него получалось. Даже слишком складно. Одна огромная организация контролирует всех и все. И рыночная экономика работает. Где подвох, мужики?

Однако что-то мне во всей этой истории мешало, я еще не понял, что именно, а главное, сомнения-то все равно не конструктивны, когда деньги уже получены и ты подписался на работу. Мы бабских истерик закатывать не привыкли. Мы привыкли потихонечку, не торопясь, врваться в ситуацию, даже если она вся – сплошной аврал и форс-мажор, а потом, когда вдруг понимаем, что вляпались – бывало и такое, чего греха таить – потом имеем мужество швырнуть деньги в лицо заказчикам и даже стволы развернуть в противоположную сторону. Но пока время «Ч» еще не наступило. Пока все идет по графику.

Интереснее других, как обычно, прореагировал Фил, наш главный эрудит и аналитик, в общем, мозговой центр:

– Ага, – сказал он, – значит, это и есть то самое министерство теневой торговли, о котором мне Эдик судачил. Весело! А мы, стало быть, едем брать цитадель теневой налоговой полиции, по-простому говоря, возьмем в заложники главного рэкетира бывшего Советского Союза товарища Аристарха Павленко. Интересная работенка.

И Фил наконец рассказал нам все, что знал об Эдуарде Свирском по кличке Ёжик. А потом спросил у Циркача:

– Так какими же цифрами оперируют люди, контролирующие все рынки страны? Что-то не верится, будто от них зависит прямо уж вся наша экономика. Ты сам-то прикинь, сопоставимы ли их доходы с национальным бюджетом, с оборотом банков, с выручкой экспортеров нефти и газа...

Циркач в ответ загадочно улыбнулся. А потом рассказал такую байку.

– Один приятель мне тут как-то предложил: «Давай арендуем грузовик, и будем принимать бутылки от населения. Я слышал, эта деятельность налогами не облагается, а куда сдавать, уже выяснил». «Сомневаюсь я насчет налогов, посадят нас с тобой, да и мелочевка это все, не стоит пачкаться». Я действительно сомневался. А он серьезно так возразил: «Ну, не скажи, ребята пробовали и называли мне конкретную сумму, которая влегкую делается за месяц на этих бутылках». Угадайте сколько, – предложил Циркач.

Я сразу сказал:

– Ну, тысячи три-четыре рублей.

У Фила фантазия разгулялась на шесть-восемь.

Пиндрик долго шевелил губами, высчитывая что-то и выдал:

– Максимум, десять-двенадцать.

Шкипер отмолчался.

– Ближе всех к истине Крошка, – торжественно объявил Циркач. – Именно три-четыре тысячи. Только баксов. И это самый минимум. Видите, вы промахнулись в десять, а то и двадцать раз – очень характерная ошибка при подсчетах черного нала. Но это преамбула. А теперь отвечаю по существу. Я тут как-то сопровождал нашего бухгалтера, и она попросила меня подиктовать цифры, которые вбивала в компьютер для внутреннего отчета. Ну, я и подиктовал, все по порядку: от самой большой – многомиллиардного оборота всей фирмы за месяц – до самой маленькой – цены на какой-то корейский телевизор, партия которых проходила тогда по Рижскому рынку. Вот на этих-то телевизорах я и споткнулся. Цена стояла – пять рублей. Не бывает, ребята, таких телевизоров. Ну, я в простоте своей и сказал: «Вера Игнатьевна, тут у вас опечаточка вкралась...» «Это не опечатка, пояснила она несколько неохотно, пробежав глазами листок, – это мы просто у всех цифр по три нуля убираем, для удобства записи, ну и так – для конспирации». Вот и все. Так что у них, братцы, месячный оборот – *триллионы* рублей. Вот и смотрите, нужны России эти вшивые транши МВФ – один миллиард, два миллиарда... Да по понятиям Аникеева, на такие деньги мороженого не купишь!

– Не верю, – сказал я мрачно.

– Ах, господин режиссер! Ну, я сейчас попробую сыграть этот же эпизод более убедительно.

На маленьком военном аэродроме нам подали неприметный обшарпанный «рафик», возможно, отбарабанивший лучшую часть своей жизни на благо российской медицины, так как на бортах его слегка просматривались следы от давних красных полос. А вообще-то «рафик» – это дежурный вариант для конспиративной перевозки групп спецназа, особенно по городу – автомобильчик вместительный и достаточно юркий, вот только с дверями у него не все в порядке. Если бы, как в «Рено» или «Мицубиси» в сторону отъезжали типа японских сёдзи, тогда выпрыгивать на ходу было бы намного легче. В «Газели» теперь такую дверь сделали. Но «Газель» есть «Газель», пока эта скрипучая громадина отъедет, тебя три раза взорвать успеют,

так что хрен с ней, с новомодной дверью – ничего нет вернее, как прыгать через стекло, вышибая его локтями и – головой вперед.

В машине тоже продолжался треп. Шоссе от аэродрома оказалось на удивление гладким, видать, военные недавно делали и для себя постарались, а вот как въехали в город Вязники, покрытие радикальным образом переменялось – через каждые пятьдесят метров примерно подпрыгивать приходилось на жутких выбоинах и колдобинах.

Городишко сам оказался симпатичным, уютным таким, но мало чем запомнился. Обычный провинциальный пейзаж: торговые ряды в центре, двухэтажные домишки, стоящие с прошлого, если не позапрошлого века, брошенные унылые церковки. Это ведь только в Москве восстановили немереное количество храмов, а в глубинке продолжают они обсыпаться и рушиться от времени, в немом уоре наклонив кресты.

Наконец, подъехали к гостинице с одноименным названием «Вязники». Из следовавшей за нами «Волги» вышел Эльф собственной персоной скрылся внутри простенького типового здания минуты на две и вернулся вместе с сухопарым крепким седым стариканом лет шестидесяти, зримо прихрамывающим на правую ногу. Третьим в этой замечательной компании был телохранитель – среднего роста, пружинистый и на удивление широкоплечий кореец. Может быть, конечно, и китаец, но мне почему-то пришло в голову, что именно кореец. Не вьетнамец – это уж точно. Они до таких размеров просто не вырастают.

Дальше мы поехали какими-то задворками, по грунтовке над высоким берегом Клязьмы, откуда панорама открывалась, аж дух захватывало – на заливные луга, овраги, всхолмления, кусты вдоль маленьких речушек и дальние голубеющие леса. Не могу равнодушно смотреть на наши российские просторы. Вот так бы сел над обрывом, прикрыв глаза от солнца, снял башмаки, чтобы пятками свежую траву почувствовать, и никуда бы больше не ездил!..

Эх, похоже, такие же красоты ожидали нас и возле «Дворца Амина»! Если верить топографической карте, с трех сторон огороженную территорию обступал лес, а с четвертой была река, между забором и обрывом проходила разве что узенькая пешеходная тропка, то есть в этом месте атаковать можно было исключительно с воздуха. А вот любоваться видом на речную пойму наверняка оттуда хорошо.

Только вряд ли у нас будет время чем-нибудь любоваться.

Пока же мы миновали город и свернули на лесную дорогу, которую условно можно было назвать асфальтированной двухрядкой. Условно, потому что асфальт этот клали лет сорок, наверное, назад, и ехать по нему следовало, держась самой середины, и то не торопясь. Вряд ли наш Амин-Павленко пребывал к себе на дачу по такому замечательному автобану, наверняка существовал путь посимпатичнее. Но так ведь мы же не на свадьбу к нему собрались. Хотя подарков приготовили много.

Война началась несколько раньше обозначенных сроков.

На дорогу перед нами вдруг вышли двое парней в джинсах и майках. Один высокий, длинный с пышной копной волос и широкой бородицей, другой – маленький крепыш, гладко выбритый и абсолютно лысый, как будто своей контрастной внешностью они специально пытались отвлечь внимание. Но наше-то внимание все равно сосредотачивалось на другом – на висящих у них поперек груди «калашах». Ё-моё! Ну, кто же так с оружием ходит! Да еще без формы.

Водитель наш стал притормаживать, и я решил про себя, что он прав: прорываться сквозь этаких придурков на обычной, не бронированной машине было слишком рискованно. Тут следует вначале понять, чего хотят люди, а уж затем, если ничего другого не останется – стрелять на опережение. Чего хотели эти, с позволения сказать, люди, стало ясно уже через секунду, когда они не просто стали поднимать стволы, а совершенно откровенно приняли положение для стрельбы стоя. Разговаривать с нами они явно не собирались. Ну что ж, ребята, не очень-то и хотелось! Переживем.

– Пригнись! – я отдавал команду водителю.

Своим не обязательно, они и без меня все знают. Но водитель тоже оказался парень тертый – я еще последнего слога не договорил, а он уже, дав по тормозам до полной остановки, падал под щиток. Молодчага! В данной ситуации пригнуться было явно недостаточно. Теперь мы все находились ниже уровня окон, и когда грянули сразу два автомата, никто не пострадал, кроме самой машины. Стекла-то у «рафика» осыпались абсолютно все, включая форточки, так что проблему с выходом наружу за нас решили враги. Я очень осторожненько приподнял голову и увидел, что они идут навстречу, при этом стволы легкомысленно опустили в землю. Господи, где ж таких идиотов выращивают?!

– Циркач! Пиндрик! Нале– напра– и кувырком в стороны! Шкипер! Фил! Назад и прикроете оттуда!

Ребята открыли огонь даже еще не коснувшись земли, в полете, ну и я дал залп прежде чем успел распрямиться. Поэтому трудно теперь сказать, кто из нас взял очередной грех на душу. Очевидно одно: последним достижением в жизни бородатого и лысого стало битье стекла в «рафике», так как вторая попытка обстрела не состоялась. Мои же все равно грамотно залегли – на всякий случай, двое в кювете, двое под колесами – кто б еще знал, сколько там этих уродов! Бывает, конечно, что и вдвоем машины грабят, но, во-первых, это слишком лихо – без прикрытия, а во-вторых, кто нам сказал, что это грабители, у нас же на ветровом стекле не было надписи, мол, в этом микроавтобусе перевозится больше миллиона зеленых. Вот мы и осторожничали, пытаясь понять, что будет дальше. Если это передовой отряд нашего Амина из налоговой полиции, тогда о захвате дворца и мечтать не стоит. Расшифровали нас, и, значит, все пропало. Да только не похожи они были на спецов, очень не похожи.

Воспользовавшись тишиной «Волга», следовавшая за нами на почтительном расстоянии, решила подползти ближе. Вот тут я и заметил шевеление в придорожных кустах. Вряд ли это был лесной олень, да и местный крестьянин, отправившийся по грибы едва ли сунется на дорогу после такой пальбы. Короче, я по кустам полоснул, не долго думая прямо поверх головы уже начавшего разгибаться водителя. В ответ мелькнула в воздухе легкая противопехотная граната типа РГД-5. Я еще раз успел поразиться наивности бойцов этого странного подразделения. На таком расстоянии швыряться опасными игрушками – это ж все равно что против ветра плевать. Гранату, конечно же поймал Циркач. На арене он выступал, как рассказывает, всего год, и вообще был воздушным гимнастом, но цирк на то и цирк, что там все умеют всё хотя бы понемногу. Короче, основы жонглирования он тоже проходил, и всякие предметы, летящие по воздуху ловил и обрабатывал вполне профессионально. В общем, смертоносный фрукт Циркач, конечно, в ладони зафиксировал – иначе нельзя, но на такое короткое мгновение, что казалось, будто граната отскочила назад, как от туго натянутых струн теннисной ракетки.

Опять мы все залегли. Потом, когда оно уже шарахнуло, перебежками бросились к лесу. Но это была явная перестраховка: все-таки придурков оказалось только четверо. Третьего взрывом отделало так, что мало не покажется – хорошо еще, если родственники сумеют тело опознать. А вот четвертый, целый и невредимый, убегал, петляя между деревьев, как заяц.

– Догнать? – крикнул я громко, еще не решив толком, от кого жду ответа.

– Отставить! – послышалось совсем рядом, и я в который раз восхитился умением Эльфа передвигаться так быстро и бесшумно.

Я его еще тогда, во Вроцлаве зауважал. Что ж, хозяин – барин.

Эльф медленно поднял руку с тяжелым дуствольным браунингом, бухнул выстрел, и догонять стало некого.

– Ну, майор, – сказал я ему, – если в службе безопасности у ваших врагов все такие лохи, то специалисты нашего уровня для захвата их цитадели ни к чему. Зря вы так тратитесь. Могли бы нанять какую-нибудь шайку за полторы тыщи грин.

Эльф посмотрел на меня без тени улыбки и ничего не сказал. Он был занят, он обшаривал труп того, что подорвался на собственной гранате. И обшаривал, как видно, не зря. Были у майора Платонова некие подозрения. И они, похоже, подтвердились. Он вертел теперь в руках маленький черный пенальчик, похожий на диктофон, но это был не диктофон. Скорее простенький детектор, вроде тех, какими в походных условиях выявляют фальшивую валюту. Но эта игрушка оказалась поинтереснее.

– Ага, – проговорил Эльф, нажал какую-то кнопочку, потом направил чувствительный элемент в мою сторону, и я увидел, как красная точка светодиода сразу замигала чаще.

– Ага, – повторил он еще раз, – все понятно. Эти ребята никакого отношения к господину Павленко, по счастью, не имеют. Они по другому ведомству проходят. Все понятно, – подвел он черту.

Но я-то ничего не понял и ждал объяснений, а вместе со мной и все наши, уже подошедшие совсем близко и тоже заинтригованные хитрым устройством в руках Платонова.

– Майор, а, майор, – сказал я по-простецки, – ты бы все-таки объяснил, что к чему. Мы, конечно, народ ушлый, ко всему привыкли, но все-таки не каждый день приходится людей убивать. Тем более не в рамках задачи, а так из-за дурацкого стечения обстоятельств.

– Из-за дурацкого стечения обстоятельств, – повторил Эльф, как бы оценивая точность моей формулировки. – Обстоятельства наши и впрямь сложились по-дурацки. Видите ли, ребята, я вам отдал деньги, которые мы сами получили накануне от одной нерадивой конторы, задержавшей платежа уже месяца на три. Я по глазам видел, что эти гады что-то замышляют, но не мог понять, что. А у них доллары меченые оказались, пропитанные радиоактивным составом. Скорее всего фонит оберточная бумага. Ну-ка, дайте мне одну пачку!

Доходило медленно, кто и зачем такую ерунду придумал, но просьба Эльфа была законная, и пачку для проведения эксперимента я, конечно, выдал. Так и оказалось: радиоактивной была бумажная лента, крест-накрест перехватывавшая пачки денег. Сами доллары не «звенели», во всяком случае, на расстоянии, а вот бумажки, пропитанные какой-то чертовней, ловились этим «счетчиком Гейгера» на очень приличных дистанциях. Эльф предположил, что направление поиска с помощью такого прибора можно было определить аж за километр до объекта.

– И вот с такими людьми приходится иметь дело каждый Божий день, – словно старым друзьям, пожаловался нам Эльф-Платонов. – Вряд ли удастся доказать, что эта наемная шелупонь работала именно на фирму-должника, да оно теперь и не важно. За свои радиоактивные баксы горе-компаньоны ответят перед «Сферой» по полной программе. Это ж надо такую хрень придумать – отдать бабки, чтобы потом вот так внаглую, со стрельбой, с кровью, забирать их назад! Просто все с ума посходили!

Я полностью разделял его возмущение. Только заодно пытался понять, не спектакль ли это, разыгранный специально для нас. Да вроде не похоже было, а главный наш специалист по спектаклям, то бишь Циркач, вдруг спросил о другом:

– Послушай, командир, а мы не сдохнем от этой радиации, и потом, говорят, она как-то нехорошо на мужскую силу влияет.

– Это не те дозы, – махнул рукою Эльф. – И потом, вы же свои гринь не в трусах таскаете, но если очень нервничаете, есть вариант: выкиньте упаковку. Таскайте ваши бумажки так. Навалом. Или веревкой перевяжите – какая разница? Но вообще, ребята, это – пустое.

Пустое, не пустое, но мы все как-то, не сговариваясь, обертки сдернули, не поленились, и побросали в мох и брусничные заросли. Ну, еще бы, я тут, понимаешь, от бромантана отказываюсь, чтобы здоровье уберечь, а они меня, гады, радиацией достают! Нет уж, увольте!

Эльф некоторое время наблюдал за нашими стараниями – все-таки каждый по двадцать пять пачек подвергал этому «свежеванию» (кроме Циркача – у того двадцать было), а потом вдруг сказал:

– А кстати, молодцы. Правильное решение. Ведь если эти кретины продолжают свои безумные поиски, пусть сюда и приезжают. Негоже, чтобы они у нас под ногами путались.

«Негоже, что это вообще случилось», – хотел сказать я и тут же потребовать дополнительных денег за эту незапланированную стрельбу. Но потом передумал: дело предстоит серьезное, и так уже все на взводе, а начнешь торговаться, собачиться из-за всякой ерунды, и все мы к моменту старта окажемся не в форме. В общем, я заставил себя выкинуть из головы весь этот неприятный инцидент, а ребятам сказал:

– Проехали. Никто не ранен, и слава Богу. Даже деньги при нас, а на каждый чих не наздравствуешься. Давайте думать о главном.

Потом спросил у Эльфа:

– Сколько нам еще ехать?

– Да полчаса, не больше. Потом пешком придется идти.

– Ну, так поехали, – предложил я.

И только в этот момент отметил про себя, что седой старикан со своим корейцем даже не выползали из машины все это время. Неужели вот такая разборка для него обыкновенная рутина, как для других, нормальных людей, допустим, автомобильная пробка в центре города? Или это часть все того же задуманного для нас спектакля. Мозги вывихнешь – думать обо всем этом! В конце концов, мы кто – солдаты удачи или шпионы, закончившие разведкакадемию? Тому, кто должен стрелять, много думать вредно. Однако князь Мышкин мечтал именно о такой команде, чтобы не только убивать умели голыми руками, но чтоб еще и думали. До, а не после. «Думающий спецназ», – он ведь так и сказал тогда.

Но у командира группы думающего спецназа думалка явно перегревалась, вот-вот должны были сгореть предохранители, а вслед за этим возникал риск, не полетит ли главный клапан, и тогда обжигающий пар вырвется наружу. Я не хотел до этого доводить, а потому откинулся в скрипучем неудобном кресле и попытался задремать. Насколько это было вообще возможно, на все такой же страшно раздолбанной дороге.

2

Они нас выгрузили на полянке, где ошивалось человек десять солдатиков, мирно дымила полевая кухня и очень вкусно пахло завтраком.

Вначале я удивился: в такой близости от объекта внаглую пускать в небо дым, рискуя быть обнаруженными – не подстава ли это? Потом сообразил: день выходной, лето, дымки костров в окрестных лесах – дело обычное. Не война же в России, ё-моё!

А завтрак оказался очень хорош, не каша какая-нибудь, сваренная на воде в традициях советской армии, а почти по европейскому стандарту – яичница с увесистым куском бекона, сыр, натуральный апельсиновый сок, булочки, масло и прекрасно сваренный кофе. Потом мы еще раз сели изучать карту и вместе с молодым старшиной Сашей Кругловым, который командовал своим маленьким спецподразделением, наметили план действий. Танк ожидался ближе к ночи, его нельзя было подогнать заранее, потому что танки, в отличие от суперагентов типа Эльфа, не умеют передвигаться бесшумно. А идея была такова. Как только в резиденции товарища Амина-Павленко услышат рев танкового движка, старшина Круглов предпримет псевдоштурм со стороны, противоположной воротам, дабы отвлечь охрану объекта. Вот тут мы и протараним главный въезд. Дальше по обстоятельствам. Сзади нас будет прикрывать еще одно отделение, которое приедет вместе с танком, а мы должны будем как можно скорее покинуть броню, рассредоточиться по территории, занять ключевые позиции, и, нейтрализовав всех, кого увидим, прорваться в дом. Дальше – опять по обстоятельствам. «В доме могут быть сюрпризы», – предупредил Эльф и на простодушный вопрос Пиндрика, какие именно, последовал очень милый ответ: ловушки, капканы, усыпляющий газ, цепные крокодилы. Цепные кроко-

диль мне особенно понравились, но потом я понял, что Эльф не шутит, а скорее всего имеет ввиду вполне реальных собак-убийц типа стаффордширских терьеров или филы бразилейры, специально натасканных на людей.

Сам он, кстати, довольно быстро слинял, едва познакомив нас со старшиной Кругловым. И загадочный старикан с корейцем исчезли с ним за компанию. Этот солидный хромой авторитет даже не удосужился представиться нам. Мы, признаться, не очень-то и расстроились. Но дикое количество неизвестных величин в том уравнении, которое предлагалось решать, напрягало все больше. Особенно меня. Да еще Фила, разумеется. Ведь он, хоть и не начальник, зато старший среди нас и самый опытный по части аналитики. Наверно, настоящий врач и должен быть таким. Но сейчас-то ему надлежало не лекарем себя ощущать, а обыкновенным бойцом, таким же, как и мы все.

– Фил, – сказал я ему, – прекрати разгадывать эти ребусы и кроссворды. Я тоже все варианты уже перебрал, но чем больше думаю, тем меньше понимаю происходящее. Давай сначала работу выполним, возьмем это окаянный дворец и его долбаного хозяина, а уж потом и подумаем обо всем сразу на досуге.

Фил согласился. Но еще не раз и не два замечал я на его лице отсутствующее выражение. А тем временем мы лазили по кустам, бродили вдоль всего периметра, искали слабые места в ограде и даже сделав подкоп в точке, которую не брали следящие камеры, прокрались до внутренней бетонной стены. Крепким орешком был этот чертов объект, но с другой стороны, не построили еще на Земле такой крепости, которую нельзя было бы взять штурмом.

Честно скажу, я предпочитаю работать днем. Нормальные боевые действия по ночам не ведутся. Даже в Чечне, где война шла круглосуточно, непрерывно. Если, конечно, можно называть войной то, что там происходило и происходит. Так вот, даже в Чечне мы старались по ночам спать. Во-первых, совсем без сна не получается, это хорошо понимали, как наши, так и «духи», а во-вторых, ночью гораздо больше шансов попасть по своим или зацепить мирные объекты и ни в чем не повинных граждан. Но приказы не обсуждаются, и в данном случае от имени «главкома» Мышкина распоряжался майор Платонов.

В какой-то момент, помимо очевидного плюса ночного штурма, то есть фактора внезапности, он отметил еще и такую причину:

– Захватив Павленко, мы не сможем держать его долго. Хотим мы этого или нет, но известие о штурме пойдет по России, а то и по миру, как круги по воде. И последствия могут быть непредсказуемы. Нам следует практически сразу сформулировать наши требования и вступить с ним в переговоры. Но это может делать только Князь, а он раньше, чем к ночи сюда не успеет. Вести переговоры по телефону – явное не то.

Была ли это истинная причина или очередное вранье старого хитрюги, я так и не понял, но в любом случае пришлось тщательно продумывать все детали операции именно для темного времени суток.

Часам к восьми пополудни делать стало совершенно нечего. Землянику в такое время, кажется, уже не собирают, а грибы не выросли еще. Но было абсолютно светло, и спать совершенно не хотелось: нервы-то у всех на взводе, какие уж тут, к черту, бодрящие таблетки – в пору транквилизаторы глотать. Ну, вот мы и успокаивали себя кто как умел, валялись на травке, беседовали о том, о сем. Иногда в таких случаях я завидую Филу с его неизменным «Кентом», и куда он только эти пачки рассовывает, чтоб сигареты всегда были под рукой? Курение, конечно, выручает в подобные тягучие минуты – и руки заняты, и сосредоточиться, как Фил считает, легче, и наоборот – отвлечься, если необходимо. Вот только здоровья это дело не прибавляет, а ведь в некоторых случаях, если, например, надо километр рвануть в предельном темпе с полной выкладкой или драться минут пятнадцать кряду, дышалка играет далеко не последнюю роль. Но Фил уверяет, что он уже давно не спортсмен. Мол, годы не те, пора уже больше головой работать, а не мышцами, никотин же якобы стимулирует деятельность мозга.

При этом он ссылается на рафинированных профи высочайшего класса – агентов «Моссада», которые, если верить слухам, курят все поголовно и очень много, против чего не возражает даже их хваленая медицина. Ну, а наша медицинская служба – это сам Фил, так что возражать по определению некому.

В общем, эту тему мы тоже в очередной раз обсудили. Потом Шкипер про свою любимую девушку Зину рассказывал, как она мигом почувствовала, что командировка у Володьки не от ОМОНа. Он ей какую-то нежную лапшу на уши вешал, а она возьми да и брякни: «Ну, что, теперь я тебя полгода не увижу!» «Типун тебе на язык, – добродушно пожелал Шкипер. – Через неделю вернусь». А про себя подумал: «Если б я еще знал, куда и зачем теперь еду!» Да, конечно, каждому из нас хочется иногда пожить нормальной жизнью, как у всех – дом, семья, дети... Но именно иногда, потому что в обычном состоянии мы себя без этих смертельных приключений уже не мыслим. Одно слово – психи! Или, если по-научному, феномены. Высокособые умники из конторы отбирали нас с любовью по всяким аномальным признакам. А дядя Воша, помню, входил по утрам в комнату, где обитала наша пятерка, и взревывал, как раненый зверь: «А ну, феномены, подъем! Выходи строиться!» А я среди феноменов был самый большой феномен: единственный благополучно женатый и даже папаша. Остальные при нашем безумном ритме жизни обходились случайными связями. Более или менее постоянными. Более или менее регулярными. Циркач – этот просто убежденный сторонник свободной любви и абсолютно ненасытный бабник. Фил – второе исключение. Он был женат три года, еще в институте, перед Афганом, но эта мифическая Роксана (никто из нас ни разу не видел ее) бросила нашего Фила, ушла к другому, и он с горя рванул на войну, закрутив в безумную спираль всю свою дальнейшую жизнь. Это было двенадцать лет назад, но он вспоминает жену до сих пор, и всех девушек сравнивает только с ней.

Вот Шкипер, зараза, направил мои мысли в эту сентиментальную сторону, и я невольно начал задавать себе философские вопросы. Со мной это иногда случается перед серьезными операциями. То на эротические фантазии потянет, то умничать начинаю и к собственной совести взывать. Типа, имею ли я право, Господи, при такой работе любить свою жену и сына, оставаться для них мужем и отцом? Ведь получается, что как последний гад, доверяю их душевное спокойствие, а порой и сами жизни, слепому случаю... Риск, он всегда велик. Стреляющий в других обязательно знает, что могут попасть и в него. И почему я жив до сих пор?

Иногда отвечаю просто: потому что я Шуню мою люблю, и она хранит меня, как ангел. А вот если умничать начинаю, тогда вижу, что мы, все пятеро – совсем не простые ребята. Отбирали нас. И, подозреваю, не только в Конторе. Но еще и где-то там, на небесах... Мышцы, навыки, знания – это все наживное, а вот совершенно особенное чутье на опасность – это, братцы, с рождения. Оно либо есть, либо нет его. И откуда такое берется, одному Богу известно, в которого я, скажу по совести, никогда не верил. Вот и умничаю периодически: кто ж это хранит нас? Кто?..

Я давно перестал слушать разговоры ребят, беседа ни о чем естественным образом угасала, а комментировать все открытым текстом почему-то не хотелось. Нет, прямой угрозы близости не ощущалось, но присутствовало гадкое чувство: кто-то смотрит за нами. Смотрит и слушает. Вообще-то, посторонних в зоне видимости не было, а врученные нам аппараты местной связи оказались самыми обычными переговорниками без всяких хитростей. Фил не поленился, раскрутил каждый из них и никаких дополнительных устройств для трансляции или записи не обнаружил. В одежде и пистолетах тоже ничего найти не удалось. Ну, если, конечно, где-нибудь в Японии не научились уже делать ультраминиатюрных, то есть практически невидимых «жучков». Было бы спокойнее, разумеется, убедиться в отсутствии прослушки с помощью специального детектора, но такой возможности нам не предоставили. Вот и беседовали мы обо всем и ни о чем. С одной стороны, не таясь, высказывали соображения о наших

заказчиках, вспоминали какие-то эпизоды прошлых лет, не слишком рискуя раскрыться перед обеими мафиями (что бы там ни говорил Циркач, а я их про себя все равно бандитами считал); а с другой стороны, о двух самых важных вещах мы, не стовариваясь, молчали: о ЧГУ и Кулакове, а также о том, что узнали Эльфа в Платонове.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.